

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
عَلَيْهِ

ИГОРЬ АНГЛЕР

Игорь Англер

Слышащий сердце. Книга первая

«Издательские решения»

Англер И.

Слышащий сердце. Книга первая / И. Англер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936471-5

События 1990 года в Баку покалечили многие судьбы. Эдуард, спасая семью, покинул залитый кровью город. Но выбраться удалось только ему и его жене. На месте гибели его семьи Эдуард подобрал кинжал, не зная, что это Слышащий Сердце — ритуальный бебут рода Османов с секретом, который несёт проклятье всякому, кто держит его в руках, до тех пор пока... Но пока частный детектив Градов слушает бедолагу Кузнецова, умоляющего помочь в деле о разводе. Банальная бытовуха? Слышащий Сердце так не думает...

ISBN 978-5-44-936471-5

© Англер И.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I.	7
Глава 1. Бегство	7
Глава 2. Ночью 19 января в парке Зорге	12
Глава 3. Белые «Жигули»	16
Глава 4. У слышащего сердце новый властелин	21
Глава 5. На дороге мести следы не исчезают	27
Глава 6. Кооператив с несчастливым номером	36
Глава 7. Скоро новоселье, товарищи кооператоры!	42
Глава 8. Из бани с чистой совестью в... тюрьму	51
Глава 9. Французское амбрэ в ИТУ-16	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Слышащий сердце

Книга первая

Игорь Англер

Редактор Наталья Шевченко

Корректор Александр Меньшиков

Иллюстратор Евгений Попов

© Игорь Англер, 2018

© Евгений Попов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-6471-5 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-6472-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Слышащий Сердце – это старинный турецкий бебут, ритуальное оружие рода Османов. Древний секрет мастера не даёт покоя никому, кто берёт кинжал в руку, – слишком большое искушение почувствовать, как замирает на лезвии сердце врага. В череде дворцовых переворотов и убийств кинжал был утерян. Запутанными дорогами кавказских войн Слышащий Сердце попал в Баку, чтобы столетия спустя покинуть роскошные ножны и стать героем современных событий. Он возобновляет свой кровавый путь, преследуя несчастную армянскую семью, которая пытается бежать от бакинской резни девяностых.

Перед вами основанная на реальных событиях и имеющая настоящих героев криминальная история, в которой одни видят и находят смысл своей жизни, другие пытаются из неё выпутаться, надеясь раз и навсегда покончить с преступным прошлым.

На что способен человек? Как далеко он может зайти, защищая себя и свою семью? И если справедливость на его стороне, имеет ли он право перейти грань между законом и преступлением, абсолютно невидимую в Петербурге девяностых? Остался ли в мясорубке тех лет хоть кто-нибудь готовый услышать не только своё, но и сердца других людей? Или на это способен только старинный турецкий кинжал? И может ли месть быть справедливой? Можно ли начать жизнь заново? Или судьба будет вечно преследовать, предъявляя счёт за старые деяния? Возможно, первая настоящая любовь поможет разорвать преступный круг и вырваться из мафиозного клана, который возглавляет... твой отец?

На все эти вопросы придётся дать ответ частному детективу Градову. От безденежья взявшийся за дело о разводе, он неожиданно для себя вместо расследования казавшейся банальной «бытовухи» вынужден распутывать трагические судьбы нескольких семей, которые переплелись между собой в кровотокающий клубок... И рядом со всеми ними неизменно будет присутствовать Слышащий Сердце. И кто этот таинственный «жжёный джокер», чья рука уже занесла кинжал и чувствует его мистический пульс, требующий новой ритуальной жертвы?

Не бойтесь, переверните страницу, и вы всё узнаете...

Часть I.

Чёрные тучи чёрного города

Глава 1. Бегство

Вокзальный перрон заливал дождь. Его холодные отрезвляющие струи остервенело, как пули, длинными очередями били по щербатому асфальту, по пассажирам и провожающим, словно стремясь прошить насквозь всё, что попадалось: перрон, крышу поезда, одежду и протянутые в руках билетные квитанции.

Проводники поторапливали отъезжающих и просили заранее готовить билеты, как будто от этого зависело время отхода поезда. Но нервничающих проводников можно было понять: фирменные чёрные шинели набухли и налились тяжестью. Фуражки плохо справлялись с ролью зонтиков. Вода стекала по ушам и шее, норовя забраться в самые укромные и тёплые уголки человеческого тела. Неприятная колючая сырость лезла за воротник, проникала под мышки, растворяя последние остатки тепла. Страшно хотелось нырнуть внутрь вагона и забиться в уютное служебное купе. Ароматный дымок уже затопленных титанов дразнил носы проводников мечтой о стакане горячего чая. Мартовский ливень продолжал полоскать всё, до чего могли дотянуться его холодные мокрые руки-струи, заливая своими слезами оконные стёкла. Казалось, что все собрались в этот день, чтобы кого-то проводить и наплакаться вослед.

Вагон, дёрнувшись, тронулся с места, и перед Эдуардом медленно, с постепенным ускорением, поплыл перрон вокзала, оставляя в прошлом почти сорок лет жизни в Баку, которые он, армянин по национальности, проработал в органах МВД, дослужившись до майора. Он стоял в коридоре у окна, а за его спиной в купе СВ неподвижно и молча сидела его жена Виолетта, глядя перед собой в одну точку. Он наблюдал, как пропадают из фоторамки залитого дождевыми струями вагонного окна его родственники. Первыми ушли двоюродный брат Марат Эликян с женой. Потом скрылась из виду Лена, которая, сделав несколько поспешных шагов за набирающим ход вагоном, хотела задержаться на этой фотографии, но, влетев в лужу, споткнулась и остановилась, уткнувшись лицом в платок, не в силах вынести прощального взгляда Эдуарда. И только Самвел, не желая отставать от уходящего поезда, бежал за ним, не отнимая руки от стекла, с другой стороны которого была прижата ладонь его родного брата. Самвел смотрел мимо него, пытаясь заглянуть внутрь купе, чтобы встретиться глазами с Виолеттой и хотя бы немым кивком приободрить её на прощание.

Виолетта словно почувствовала на себе его умоляющий взгляд и обернулась к окну, которое разделяло две прижатые ладони. Рука снаружи вдруг сорвалась, скользнув по мокрому стеклу, и Эдуард подался всем телом за ней, словно хотел удержать. Самвел на бегу споткнулся о выбоину в асфальте и упал, растянувшись в луже во весь рост. Всю последнюю неделю, после того как Овсепяны приняли решение уехать, он крепился, не давая воли эмоциям, даже когда оставался один, старался всех поддержать, а сейчас, беспомощно лёжа на перроне под проливным дождём, не смог сдержаться и разрыдался во весь голос.

– Любимый, поднимайся. Пойдём домой. – Это Лена, опустившись рядом на колени, пыталась помочь ему встать.

Поезд длинной чёрно-зелёной дымящей змеей уходил за горизонт, увозя людей в неизвестность. Армянская семья стремилась оторваться от своего счастливого прошлого и кровавого настоящего, отправившись на этом поезде в Ленинград.

Начиналась новая жизнь...

Но та прежняя, от которой убегал Эдуард Овсепян, уже готовилась нанести очередной удар и только подстерегала момент. Эдуард даже не догадывался, что в спортивной сумке увозит с собой проклятье прошлого. Он долго вглядывался в мелькающие за окном тени, а на него смотрело усталое, осунувшееся незнакомое лицо, иссечённое, словно клинком, морщинами. Давно не стриженные густые усы, когда-то придававшие ему задорный вид, обвисли, состарив лет на двадцать. Широкие округлые плечи борца ссутулились, портя подтянутую спортивную фигуру. Эдуард хотел поймать отражение своих глаз, но, заметив глубокие мешки под ними, отвёл взгляд от стекла и посмотрел на Виолетту. В полусумраке купе её восточная красота казалась неестественной: правильные мягкие черты лица, обрамлённого густыми чёрными волосами, ниспадавшими на пышную грудь, в бликах горевшего ночника несли на себе отпечаток жертвенности. Маленькие ладони покорно лежали на столе. Она сидела всё так же неподвижно,

то ли в трансе, то ли в забытии, и глаза её были прикрыты. «Может, всё-таки заснула?» – подумал Эдуард и вспомнил про сумку.

Он зашёл в купе и закрыл дверь. Сняв сумку с багажной полки, он долго не решался её открыть, но наконец потянул за молнию. Разворошив пачки с деньгами, достал со дна дорогой кинжал с костяной рукояткой, инкрустированной крупным рубином в форме сердца. Блеск драгоценного камня и холодный булат клинка завораживали. Эдуард повертел оружие, и рукоять вдруг будто сама легла в руку. Он поднял кончик лезвия к бледно-синему свету ночника, пытаясь разобрать таинственную арабеску, и внезапно почувствовал, как что-то отчётливо отдалось ударом в ладонь. Эдуард вздрогнул, поёжился от суеверных предчувствий, положил кинжал на столик и выключил ночное освещение.

Мрак поглотил всё. Только рубин на кинжале зловеще поблёскивал в свете мелькавших за окном фонарей.

* * *

Роман Георгиевич Шведов заканчивал обход залов Артиллерийского музея, как всегда оставив на «десерт» свой любимый зал холодного оружия. Ночной сторож, хорошо зная привычки директора музея, уже ждал его у входа, чтобы затем проводить до кабинета и попить вместе чаю. А под хорошую байку расчувствовавшийся старик мог угостить и коньячком. Дождавшись, когда тот вдоволь налюбуется клинками, мерцавшими холодным блеском и скучавшими по своим историческим, кровавого оттенка делам, сторож услужливо распахнул дверь перед директором, потом обернулся, закрыл её, повернув ключ в замке, подёргал на всякий случай и пошаркал вслед за Шведовым.

Роман Георгиевич налил воду из графина в электрический чайник и нажал кнопку. В ожидании, пока закипит вода, он ходил в задумчивости по кабинету, не обращая никакого внимания на сидевшего на диване сторожа. Подошёл к окну и открыл форточку. В помещение ворвался, качая тяжёлые портьеры, свежий и влажный ветер с Невы. Шведов с удовольствием вдохнул вечернюю прохладу, пытаясь уловить в сыром воздухе признаки весны. В плавном течении Невы неуклюже поворачивались и ныряли набухшие серые льдины.

«Начало марта, а весной и не пахнет! Кто придумал эти календари? Никакой связи с реальной жизнью, – подумал старик. – Плывающая по чёрной реке рыхлая серая льдина – вот как, оказывается, выглядит наступающая весна!»

Оторвавшись наконец от размытого вечернего пейзажа за окном, он обернулся к сторожу. Тот уже разливал чай по большим гранёным стаканам в подстаканниках. Он знал, что директор любит пить ароматный напиток большими порциями.

– А что, Семёныч, не хлопнуть ли нам по рюмашке?

– По какому случаю, Роман Георгиевич?

– Наконец пришёл альбом, который я выписал из Англии. Вот, посмотри, какая красота!

На столе лежало роскошное издание в суперобложке «История холодного оружия древнего Востока». Подержав тяжёлый том на весу и перелистнув несколько страниц с иллюстрациями, Семёныч, подполковник в отставке, положил его обратно.

– Не понимаю ничего. Здесь всё на английском. Вот если бы современное оружие, финки, штык-ножи, тогда другое дело. А так история одна в музейной пыли!

– А как тебе, Семёныч, такой экземпляр?

Сторож по-военному изрядно отхлебнул коньяку и, не отрываясь от рюмки, покосился на чей-то портрет во всю страницу.

– Этот толстяк? Ну, падишах какой-нибудь. Да мало ли кого русские били в турецкие войны!

– Ты прав, это турецкий султан Мустафа IV. Но это не главное, посмотри на его пояс и нож!

– Мелковато, – пожаловался сторож, надевая очки.

– Вот здесь крупнее.

Роман Георгиевич перевернул страницу, показывая крупное изображение искривлённого кинжала бебута, усыпанного драгоценными камнями и инкрустированного витиеватыми арабскими узорами и надписями, и кожаного пояса с роскошной вышивкой серебром.

– Что сказать, Роман Георгиевич, богато, конечно! Но толку с этого? Бесполезная вещица.

– Не скажи, Семёныч, не скажи! – директор подлил коньяку отставному вояке, с которым любил поговорить об оружии. – Это знаменитый восточный кривой кинжал бебут. Для всадников. Позже его носили артиллеристы, которым длинная, пусть даже очень кривая, сабля была неудобна. Это что касается практической стороны. А относительно эстетической...

Роман Георгиевич задумался, словно подыскивая единственно правильные слова для описания уникального ножа.

– Ты слышал, как бьётся сердце? Не в стетоскопе, конечно, а в руке?

– Вы о чём?

– Этот клинок сконструирован так, что наносивший удар чувствовал, как на конце лезвия трепещет сердце. Неизвестный талантливый кузнец-оружейник сделал полую рукоятку со струной от клинка до головки, по которой двигался сердечник. От удара он бил в рукоятку, а натянутая струна создавала эффект дрожания – сердечного трепета! Что ты на это скажешь?

– Любой военный мечтает услышать последний удар сердца убитого им врага! Мастер явно знал толк в оружии...

– И прекрасно понимал психологию убийства! Не зря кинжал прозвали Слышащий Сердце. Эх, вот бы увидеть его!

– Н-да, увидеть в руке, но не в груди...

* * *

«Та-та-та-та!!!»

«Виолетта-та-а-а!» – выкрикнул Эдуард, очнувшись от забытья.

«Та-та! Та-та! Та-та!»

Колёсные пары, перестукиваясь, как стреляющий автомат, на стыках рельс, вторили его ночному кошмару.

«Та-та-та-та!!!»

До судорог сжимал во сне спусковой крючок «узи» Эдуард. Он весь в холодном поту, с выпрыгивающим из горла сердцем приподнялся на полке, отыскивая на столике оставленный с вечера чай. Острая боль пронзила указательный палец – которым он провёл по лезвию забытого кинжала. По пальцу потекла струйка алой крови.

Это пришёл первый ночной кошмар, который не скоро оставит его сны. Долгими днями и длинными бессонными ночами в Краснодаре Эдуард пытался пережить утрату матери и сыновей, изжить из себя ночную бакинскую трагедию и представить себе их с Виолеттой будущую одинокую (врач однозначно сказал, что она больше не сможет иметь детей) жизнь на новом неизвестном месте. Может быть, им повезёт устроиться на работу в Ленинграде. Об этом Эдуард даже не беспокоился – его спортивная сумка доверху была набита деньгами. Но как жить дальше без детей, без ощущения домашнего уюта и семейного тепла – которое, казалось, было безвозвратно, как само возвращение в Баку, утрачено. «Не как, а чем жить дальше?» – тяжело размышлял он.

И вот теперь на смену этим мыслям, заплутавшим в тупиковом лабиринте, пришли ночные кошмары. Лёжа с открытыми глазами в ещё сумрачном купе, он смотрел на отражавшиеся

на потолке прыгающие тени и отблески огней, которые то появлялись, то исчезали, и пытался вспомнить сон с того момента, когда в лужу упал его брат Самвел.

Эдуарда вдруг передёрнуло от ужаса – воспалённое воображение нарисовало окончание ночного триллера. Отрезанная голова его младшего сына Ашота, не отрываясь, смотрела на отца и катилась по перрону, пытаясь догнать уходящий поезд. Красные огни семафоров отражались в мокром асфальте и в лужах, казавшихся кровавыми. Самвел и Лена стояли на коленях в разлитой повсюду крови.

«Да нет, брат действительно упал, и Лена помогала ему подняться. А красный цвет – это отблески семафора на мокрой платформе». Эдуард окончательно проснулся. Его окровавленная ладонь упрямо свидетельствовала о том, что всё во сне было правдой.

...В памяти всплыла безымянная церковь в первой русской станице, куда они заехали, увидев с дороги крест над колокольной. Обшарпанная кирпичная церквушка, похоже, дожила свой век. На паперти никого не было: ни крестящихся и невнятно бубнящих одними губами молитвы прихожан, ни просящих у них милостыню нищих, стоящих почему-то всегда спиной к Богу и осеняющих себя крестным знамением, только получив в руку земное доказательство божественного чуда. Эдуард, ведя Виолетту, толкнул дверь и, не крестясь, вошёл внутрь. Глаза, постепенно привыкнув к сумраку, различили за пустым алтарём фигуру священника, бормотавшего псалмы для самого себя. В церкви, кроме него, никого не было. Пистолет, оттягивавший карман и бивший по ноге при каждом шаге, словно хотел напомнить Эдуарду о том, что ему здесь не место.

Виолетта, оторвавшись от мужа, прошла к алтарю. Священник, лишь бросив взгляд на неё, дал ей свечку и сказал:

– За упокой? К Николаю Чудотворцу, других икон всё равно не осталось.

Женщина приблизилась к единственной во всей церкви иконе, зажгла свою свечку от толстой свечи, уже догоравшей перед святым ликом, и в рыданиях медленно опустилась на каменный пол. «Слава богу, не онемела и не сошла с ума!» – подумал Эдуард, услышав, наконец, после почти суток пути, голос своей жены.

– Креститься надо, когда в святое местоходишь, нехристь! – священник незаметно оказался за спиной Овсепяна. – Адский огонь питается нашей кровью, которую мы проливаем на земле!

– Твой рай, что ли, лучше?

– Не храни зло в своём сердце, сын мой! – смягчил тон настоятель, заметив возбуждённость мужчины. – Иначе оно будет преследовать тебя всю жизнь до самой...

Овсепян не дал священнику договорить.

– О чём ты говоришь?! Пугаешь праведным гневом и смертью? Да что ты знаешь о смерти? Проповедуешь добро и смирение? Посмотри на свой крест, который ты несёшь, – это меч, которым твоя вера насаждается...

– Не смей судить о Божьем промысле...

– Промысел-то, может быть, и Божий, только ведётся он человеческими руками! – резко развернувшись и с ненавистью глядя попу в глаза, произнёс Эдуард. – Зачем твоему Богу мои дети? В чём они провинились?!

Священник некоторое время молчал, но не отводил своих серых выцветших глаз от злого взгляда незнакомца, пытаясь в нём что-то прочитать.

– Видать, война грядёт, раз Господу не хватает ангелов на небе...

Глава 2. Ночью 19 января в парке Зорге

– Постойте, не выходите на улицу, я проверю!

Из углового подъезда вышел плотный коренастый мужчина с фигурой борца и остановился, осматриваясь вокруг. Было пусто. Мужчина, тяжело вздохнув, бросил взгляд на подсвеченный тусклой лампочкой кругляк с надписью «ул. Каспийская, дом 2» («Как бы не в последний раз», – мелькнула у него мысль) и протянул руку к металлической скобе, прибитой к двери вместо ручки.

– Кажется, никого! Пошли тихо, без разговоров.

Противно, по нервам, словно стеклом по стеклу, снова скрипнула дверь подъезда, и несколько теней, дрожа в ночном свете фонарей, скользнули по серым бетонным стенам жилых домов, быстро пересекли улицу и скрылись в темноте парка Зорге.

– Папочка, мне страшно!

– Виолетта, успокой детей! Мама, пожалуйста, не отставай!

– Господи милосердный, спаси нас и сохрани!

– Теперь только мы сами, только сами!

– Боже, Эдик, неужели это наш Баку?!

– Уже не наш.

Тот, кого они называли Эдиком, вдруг остановился и отвёл правую руку в сторону. Две женщины и два мальчика, наткнувшись на его выставленную руку, замерли за его спиной. Он напряжённо всматривался вперёд, туда, откуда шёл свет. Парк заканчивался, и за последним рядом деревьев уже виднелась широкая, освещённая фонарями улица Самеда Вургуна.

Несильный январский ветер с моря шелестел в пустых кронах, мерно раскачивая скрипучие голые ветки, сталкивая и спутывая их. В свете мерцающих фонарей и временами выглядывающей из облаков луны ветки деревьев казались беглецам сетью, которую на них вот-вот набросят. Других звуков слышно не было. Город, похоже, спал, и только эта странная компания нарушала спокойствие ночного парка. Эдуард пристально вглядывался в темноту, понимая, насколько обманчивым и опасным может быть видимое спокойствие притихшего Баку.

Оставаясь в тени дерева, он достал из кармана куртки пистолет, осмотрел его и снял с предохранителя. Рядом с ним, держа за руки двух мальчиков пяти и восьми лет, переводила дыхание Виолетта. Положив одну руку ей на плечо, а другую на сердце, справа от неё молча плакала пожилая женщина – мама Эдуарда.

– Придётся выйти на улицу, до машины несколько кварталов, но это самая оживлённая часть пути, – произнёс мужчина.

– А что если там азербайджанцы? – волнуясь, спросила Виолетта.

– Господи! – охнула пожилая женщина. – Накаркаешь!

– Поэтому первым пойду я, разведу обстановку, а вы ждите моего сигнала, я мигну два раза фонариком, после этого пойдёт мама с сумкой, когда ещё раз мигну, пойдёшь ты с детьми! – проинструктировал Эдуард жену.

– Я могу повести Ашотика.

– Мама, я сказал: пойдёшь одна после меня! Нас много, и мы слишком заметны вместе. Всем делать только то, что я скажу! Пацаны, не дрейфить, всё будет хорошо.

И мужчина, суеверно сплюнув через левое плечо, осторожно пошёл на свет... Вслед его крестили две пары женских рук, а детские глаза неотрывно провожали отца, пока могли разглядеть: он бесшумно двигался скользящей походкой, ничем не выдавая своего присутствия. Это явно была походка профессионала.

Вот и улица Самеда Вургуна. Как назло, все фонари были исправны и хорошо освещали пустынную, но очень широкую проезжую часть и просторные тротуары. Никого. Окна в домах

не горели. Странно: обычно несколько окон в доме всегда светятся. Кто-то наверняка мучится бессонницей, грея на кухне чайник. Или таксист, припарковав на тротуаре свою лимонную «Волгу» с пашечками, заскочит домой на чашку кофе. А то какой-нибудь пенсионер засобирается на рыбалку – отсюда до моря всего каких-то полчаса пешком. Но сегодня ни в одном доме на всей улице ни одного освещённого окна.

Внезапно, мигнув, погасли все фонари. Почему? Какого чёрта? На часах три часа ночи. «Ну, хоть это в помощь», – подумал мужчина и подал условный сигнал фонариком в темноту парка.

Послышался хруст веток под чьими-то спотыкающимися ногами, но почему-то очень частый. Шёл не один человек. Через несколько минут к мужчине подошли обе женщины и дети, которых он оставил в парке.

– Я же говорил идти отдельно! Что непонятно?

– Эдик, страшно очень! Это я попросила пойти вместе. Прости, сынок! – виновато прошептала мать.

– А сумка где?

– Господи, там под деревом забыли!

Эдуарду пришлось вернуться в парк. «Хорошо, что пропало освещение. Можно хотя бы не петлять между деревьями, а пробежать напрямик по аллее», – размышлял он.

Внезапно он почувствовал себя под прицелом чьих-то глаз. Зорге неприятно буравил его взглядом из-за тёмной бронзовой маски.

– Рихард, ты хотя бы не следи за мной! – обратился Эдуард к монументу советского разведчика.

Большая спортивная сумка с надписью «Самбо» стояла там, где её оставили женщины. Поднимая сумку, он пару раз потряхнул её, как бы взвешивая, и повесил на плечо, чтобы руки оставались свободными.

«Да уж, свободными... Пистолет держу в руке уже полчаса и совершенно забыл про него. Потеряли десять минут. За это время могли бы улицу в темноте проскочить, потом ещё метров триста по улице Гоголя, свернуть на Везирова – там можно уйти в переулки, так безопаснее, и до машины уже недалеко. Или лучше оставить их на детской площадке у кооперативного „кирпича“ и самому быстро пригнать машину напрямик по Гоголя? С ними будет дольше, к тому же там широкий проспект, и он наверняка освещён. Здесь же темно и, кажется, спокойно. Я доберусь до машины за пятнадцать минут быстрым шагом. Страшно оставлять их одних? Не страшнее, чем идти по этим предательски тихим улицам, следящим за каждым нашим шагом. Я мигом управлюсь. Главное, чтобы они дошли незамеченными до площадки». С такими мыслями возвращался к семье Эдуард.

Напоследок, обернувшись назад, он посмотрел на силуэт памятника и скрылся в темноте переулка.

– Никого не было? – спросил он, вернувшись.

– Только «жигули» проехали минуту назад, – махнула Виолетта рукой в ту сторону, куда направлялся автомобиль.

– Не останавливался?

– Нет, очень быстро ехал! Нам идти в ту же сторону?

– В другую.

– Слава богу! – подала голос старая армянка.

– Мать, оставь ты своего Христа, наконец! Он-то нас давно оставил одних! Вот и русским, похоже, ни до чего нет дела, уходят они. Ох, умоется Баку кровью!

– Эдик, а может, всё успокоится? Ну, побузят азербайджанцы немного! – шмыгая горбатым носом, не успокаивалась его мать.

– Может, правда, вернёмся домой? – спросила Виолетта.

Мальчики молчали, с затаённой надеждой ожидая ответа отца. Больше всего на свете им, перепуганным и уставшим, хотелось, чтобы этот ночной кошмар поскорее закончился и завтра утром они проснулись в своих тёплых уютных постелях от лёгкого поцелуя мамы и, как всегда, смеясь и пытаясь увернуться от её шлепков, побежали чистить зубы, а бабушка готовила им на завтрак кашу.

– А вдруг вас всё-таки заметили из «жигулей» и вернутся? Оставаться в парке теперь рискованно. Вы пойдёте вон туда – видите в конце улицы кирпичный дом? За ним детская площадка. На ней есть маленький домик. Спрячьтесь в нём и ждите меня. Да не маячьте, сидите тихо. Я буду идти за вами следом, а в конце улицы сверну в переулок, чтобы забрать машину. Ждите минут через двадцать, – давал инструкции мужчина.

– Эдик, сынок, – подала тихо голос пожилая женщина, – а почему нам нельзя было остаться дома и ждать тебя с машиной? Зачем нам всем идти за ней через парк и несколько кварталов?

– Давай вернёмся домой? – вновь попыталась уговорить мужа Виолетта.

– Назад дороги нет. Не говорил тебе раньше, чтобы не пугать, но вчера из нашего отделения милиции вывезли оружие без документов. Руководил лично мой начальник подполковник Искандеров. Он мне сказал, чтобы я не возвращался в отделение. Теперь понятно?

– Ничего не понятно. Как он это объяснил?

– Никак, говорил намёками, как будто боялся, что его услышат. Сказал, чтобы сидел дома и ждал.

– Ждал чего?

– Неизвестно. Поэтому я решил, что ждать нечего, нужно бежать из города, пока не поздно! Вот ещё что...

Эдуард раскрыл спортивную сумку и показал женщинам её содержимое.

– Откуда столько денег?! – одновременно воскликнули они. – Ой, и золото!

– Мы обнаружили тайник. Я опасаюсь, как бы под общий беспредел Искандеров не захотел с нами расправиться, чтобы завладеть деньгами. О находке знаем только мы с ним. Поэтому я не хочу, чтобы вы оставались дома. И потом, лучше один раз всем вместе пройти несколько кварталов – это не так далеко, чем мне одному идти, потом возвращаться за вами. Служебная «Волга» у дома сразу привлечёт внимание.

– А почему в Краснодар, а не к тёте Сури в Сумгаит?

– Вы что, не понимаете, что всё – конец? Русские бегут. Аэропорты и вокзалы забиты народом, но билеты, говорят, ещё продают. Вчера штурмовали Сальянские казармы, подожгли дома военных, чтобы захватить склады с оружием. И атаковали, наверное, даже с нашим оружием. С чего вдруг втихаря, без документов вывезли его из нашего отделения? Всё, конец армянскому Баку! Понятно? Ка-нэц, всему ка-нэц! – эмоционально воскликнул Эдуард, отчего проявился армянский акцент.

Женщины больше не возражали, понимая, что он не собирается менять своего решения, домой они никогда не вернутся и кошмарное бегство в чёрную бакинскую ночь продолжится. Но как долго ещё бежать?!

– Не прощаемся и не обнимаемся, – остыв, нарочито грубо сказал мужчина.

Он взял себя в руки и теперь старался быть уверенным и даже жёстким, чтобы не дать семье запаниковать.

– И-идите, – голос его всё-таки дрогнул.

Эдуард неотрывно смотрел им вслед, пока они благополучно не достигли кирпичного дома в конце улицы. За ним была игровая площадка, где, думал Овсепян, его семья сможет укрыться в детском домике, не рискуя быть замеченной с дороги. Ещё раз оглянувшись по сторонам и удостоверившись, что никого на улице нет, Эдуард выскользнул из тени дерева и быстро пересёк проезжую часть. Ещё десять шагов – и он нырнул в тёмный переулок.

Глава 3. Белые «Жигули»

– Стой! Кто идёт?

– Стой, стрелять буду!

Эдуарда ослепил яркий свет мощных фар. Узкий проход, в конце которого он спрятал оперативную «Волгу», перегородил «ГАЗ-64». Лейтенант с эмблемами танкиста в красных петлицах держал Эдуарда на прицеле «калашникова». Щелчок! Ещё один! Это из-за грузовика вышли два сержанта и, сняв с предохранителей, вскинули свои автоматы.

– Не шали, у нас боевые!

– Пистолет, чурка, медленно кладёшь на землю, и три шага назад с поднятыми руками! Потом ложишься лицом на землю, раздвигаешь ноги-руки – и начинаем разговаривать. Всё, чурбан, понял?

«Слава богу, русские!» – Эдуард почти счастливым лёг на пыльный асфальт, точно выполнив все инструкции лейтенанта.

– Кто такой?

– Ребята, я майор милиции Эдуард Овсепян, заместитель начальника двадцать первого отделения милиции, удостоверение в заднем кармане брюк!

– Курдюков, оружие оставь, подойди и обыщи его!

Сержант, передав автомат офицеру, со словами «Ну-ну, не бзди – живой пока!» подошёл к лежавшему Овсепяну.

– Товарищ лейтенант, вот его удостоверение, паспорт и документы на оружие!

– Так, посмотрим, что за ара к нам тут залетела. Действительно, товарищ Овсепян, и номер на «макаре» совпадает! Пока лежать, не двигаться! Курдюков, отойди от него и возьми свой автомат! Держать его на прицеле! Так, Овсепян, медленно с поднятыми руками переворачиваемся на спину! Поворачиваемся аккуратно, как в русских сказках, – к лесу задом, к нам передом, понял? И смотри, не отдави себе ничего!

– Ребята, у меня там на детской площадке семья осталась! Я за машиной шёл. Мы в Краснодар хотим уехать! Помогите, умоляю!

– Товарищ командир, непохоже, что бандит.

– Можно медленно встать, сначала на колени, потом на ноги, руки держать вытянутыми перед собой. – Лейтенант внимательно всматривался в лицо поднявшегося армянина, которое показалось ему знакомым.

Но где он его видел, вспомнить не получалось... А, вспомнил! Точно, это же тот самый, что подсказал ему номер квартиры девушки, которую он как-то провожал с танцев и потом пытался разыскать.

– Это ж ты живёшь на... – лейтенант заглянул в паспорт, – на Каспийской улице? Ты меня помнишь? Помнишь, я искал девушку? Я ещё был в джинсах и белой футболке «Адидас».

– Из сороковой квартиры. Я тебе тогда сказал, что ничего с азербайджанкой у тебя не получится, а ты мне ответил, что в наше время это предрассудки! Ну что, кто был прав? Предрассудки, говоришь? Посмотри, что творится вокруг! Помоги, лейтенант!

– Прости, майор, не могу. Не имею права! У меня приказ срочно вывезти из комендатуры оружие и с комендантским взводом взять под охрану погрузку Каспийской флотилии! Если не выполню приказ, меня отдадут под трибунал!

– Что, и моряки уходят, да? И кто ж в городе останется?

– Они на рейде будут стоять, пока рязанская дивизия ВДВ не подойдёт... Ладно, много будешь знать. Правильно, что своих увозишь. Могу помочь вот этим. С одним «макаром» и двумя обоймами ты до Краснодара не доберёшься.

И лейтенант достал из кабины грузовика автомат «узи» с несколькими заряженными магазинами в подсумке. Автомат был абсолютно новый, с фирменным, таким же новым и чистым подсумком к нему.

– Тут за углом положили одного бандита, с него и сняли! Бери – надеюсь, не пригодится!

– Спасибо, лейтенант!

– Удачи, майор! Мы будем выезжать за город по Коммунистическому проспекту. Дого-нишь – пристроишься к нам и выйдешь из города с нами, но ждать тебя не могу!

– А что так криво, на базу же...

– Это, похоже, уже не моя страна, и удобные маршруты выбирать не приходится!

– И не моя! Удачи!

– Прощай.

Майор погладил чёрную, холодную, как смерть, сталь автомата, чей затвор, похоже, ещё ни разу не передёргивали и из ствола которого её, затаившуюся в магазине смерть, не выпус-

кали. Пока... Она же, словно узница, уже заждалась, когда ей наконец дадут вырваться, прогуляться по Баку с трескучим «та-та-та» и запахом жжёного пороха.

Раздалась команда «по машинам!», и «газон» с комендантским взводом и оружейными ящиками в кузове заурчал движком и медленно двинулся по улице с выключенными фарами.

* * *

Четыре азербайджанца, стоя в свете фар белого «жигуля», возбуждённо переговаривались на родном языке. Они постоянно озирались по сторонам, словно кого-то искали или ждали.

– Уважаемый Муса, мамой клянусь, да, я точно здесь видел двух женщин с детьми! Куда пошли – не знаю, да!

– Куда подевались эти армянские суки?!

– Они должны быть где-то рядом!

– Наверное, туда пошли!

– Далеко не могли уйти!

Трое были в чёрных спортивных костюмах и кроссовках. На головах топорщились натянутые почти на самые глаза спортивные шапочки-«петушки», придававшие им нелепый вид. Нижнюю часть лица скрывали чёрные косынки. Только один из четверых ни от кого не прятал своё лицо. Он вообще выделялся среди остальных, напоминавших со стороны кучку галдящих базарных торговцев.

Это был крепкий старик явно за семьдесят, чьи седые волнистые волосы и густая седая борода красиво смотрелись под папайей из мягкого серого каракуля. Старик почему-то облачился в национальный костюм: чёрный архалук с серебряными газырями и отороченными серебряным замысловатым орнаментом рукавами. Красивый, перечебркнутый белым крестом чёрный башлык был откинут на спину и не скрывал хищного восточного лица. Ноги были обуты в сапожки из тонкой сыромятной кожи без каблуков со шнуровкой почти до колен. На богато инкрустированном кушаке висел длинный кривой кинжал в ножнах, украшенных тонкой резьбой по серебру. Рукоять кинжала завершалась костяным набалдашником с крупным рубином в форме сердца. Старик, явно никого не боявшийся, всем своим обликом резко выделялся в этой компании.

– Уважаемый Ахмет-муэллим, я мечтаю увидеть вас в этом костюме на Пятой авеню в Нью-Йорке!

– Не трепись, Муса! Совсем тебя распустили твои американские хозяева!

– Ну что вы, почтенный Ахмет...

– Молчи, не перебивай старших! Я нюхом чую этих гадких армяшек! Они рядом! Воздух пахнет их страхом, и он приведёт нас к ним!

Высокий сильный азербайджанец лет тридцати пяти, которого старик называл Мусой, не мог оторвать глаз от роскошного старинного кинжала.

– Учитель, скажите, откуда он у вас? – спросил Муса.

– Эта легенда передаётся в нашем роду из поколения в поколение, и тебе, Муса, как моему племяннику, её нужно знать. Мой прадед Исмаил принадлежал к знатному древнему роду. Давно, когда Бакинское ханство было завоёвано русскими, он не захотел мириться с их господством. Со своими преданными людьми он присоединился к черкесскому князю Анзору, который боролся с Россией. Исмаил командовал одним из его отрядов во время кавказской войны. Однажды в засаду, которую он устроил, попала русская военная экспедиция. Это была очень удачная операция – никто из неверных захватчиков не выжил. Черкесы порубили более двухсот человек. А этот турецкий бебут попал к Исмаилу в качестве трофея. Он снял его с русского поручика, которого лично зарубил в поединке. Прадед преподнёс кинжал в подарок князю Анзору, но тот великодушно ответил, что Исмаил завоевал бебут в честном бою, поэтому оружие отныне по праву принадлежит ему.

– А как кинжал мог попасть к русским? – поинтересовался Муса.

– Этого я не знаю! Офицер не успел рассказать Исмаилу, да и прадед по-русски не знал ни слова!

– Ха-ха! Но судя по драгоценным украшениям, кинжал принадлежал знатному паше.

– Какая разница? Всё равно он мой.

– А правда, что ваши отец и дед этим кинжалом резали армян в Баку в девятьсот восемнадцатом году?

– Правда! Как правда и то, что этот бебут способен слышать сердце убитого им врага. Ну, хватит разговоров. Муса, захвати мой Коран из машины. Пойдём пешком, так мы их вернее найдём! Я хочу наслаждаться запахом смерти, крадущейся за неверными!

– Где будем искать, почтенный Ахмет-муэллим?

– В парке их уже нет. Они наверняка успели уйти. Пойдём по улице – будем проверять все дворы подряд.

– Они точно там, я чую их скверную армянскую кровь!

– Они там! Они там, учитель!

– Сегодня все неверные сдохнут как собаки!

– Аллах всемогущий вернул нам силу!

Глава 4. У слышащего сердце новый властелин

– Быстрой, быстрой! Там же Виолетта с детьми! Давай же, заводись, родная! Мать с ума сходит: сказал, что вернусь через двадцать минут, а прошло уже... – Эдуард бросил беглый взгляд на светящийся циферблат, – пятьдесят пять!

Оперативная «Волга» с форсированным двигателем завелась с пол-оборота! Овсепян, несмотря на своё звание майора, всегда лично следил за обслуживанием этой машины. Поэтому подвести она не должна. Бензина полный бак, плюс несколько канистр в багажнике и пятилитровая пластиковая баклажка с водой. До русских станиц должно хватить. Ментовские номера с «БББ» и «01—01» были в Баку известны всем и должны были стать гарантией выезда из города, даже если не удастся догнать комендантский взвод. Мундир с погонами подполковника, якобы начальника РУВД Искандерова, и фальшивые документы на его имя во внутреннем кармане – гарантия более-менее спокойного проезда по Азербайджану.

«А если что, то есть табельный „макаров“ с двумя обоймами и – вот повезло так повезло – автомат „узи“ с несколькими магазинами. За такую удачу можно простить не только „чурку“, но даже „ара“ и „хачик“ не покажутся обидными от русского брата! Какой подарок сделал!» – размышлял Эдуард.

Интересно, а чего это Искандеров такой добрый был? Не ходи на работу, дома сиди. А вещдоки, спортивную сумку «Самбо» с наличными и всяким золотишком, найденные в багажнике угнанной «девятки», мол, пока у себя поддержи. Подставить, сука, хотел или... И тут Овсепяна пронзила догадка. «Он же специально всё подстроил! Сам хотел нагрязнуть на мою квартиру и расправиться со мной, списав потом пропажу денег и драгоценностей на меня». Никто, кроме их двоих, не знал о находке в багажнике. Остальные опера в группе думали, что на пустыре за рынком нашли всего лишь угнанный неделю назад автомобиль. Правильно, что забрал семью с собой, а не оставил её дома.

«Ма-ла-дэц! Сыды, Овсэпан, дома с сумкой, никаму нэ гавары! Может, кто-нибудь проявится за сумочкой, и мы его цап-царап!» – пришли Эдуарду на память слова начальника. «Ах, хитрый азер! Всё заранее продумал и подстроил! Наверное, уже шмонает у меня! Нужно торопиться! Только бы их никто не нашёл! Чёртов „жигуль“!»

По дороге назад за семьёй нехорошие мысли снова заматались в голове Эдуарда, грозя превратить плохое предчувствие в кошмарную явь! Подъезжая к парку, он заметил впереди припаркованные белые «жигули» третьей модели с невыключенными фарами. «Белая, как смерть!» – ёкнуло сердце, когда его «Волга» поравнялась с брошенной «трёшкой».

Интуиция подсказывала, что и ему нужно оставить машину здесь и бежать к кирпичному дому в конце улицы. Если азера там, то на машине подобраться незаметно не получится. Их, скорее всего, несколько, и они, возможно, вооружены.

«Только бы их не нашли, только бы не нашли! Надо же было нарваться на комендантский патруль! Этим же азерам точно повезло. Их никто лицом на землю не укладывал! Сколько времени у них было?»

* * *

– Муса, где ты так насобачился проламывать и отворачивать головы? – с почтенным ужасом спросил азер, от возбуждения вытирая шапкой пот на лице.

– Этот колледж называется ЦРУ!

– Хватит зубоскалить! Подумаешь, раскроили черепушку старухе и свернули этот армянский подсолнух! – одёрнул старик молодых парней.

– Что-то не так, уважаемый учитель? Мы же убили неверных!

– Это не убийство, недостойные сыны Аллаха! Это долгожданное возмездие пророка! Закопались в своих апельсинах и не читали Коран! Я сейчас покажу, как это делали ваши предки, вам, червям, недостойным их памяти!

С этими словами он направился к молодой женщине, крепко обнимавшей мальчика лет пяти. Старик накинул на голову башлык и оттого стал похож на средневекового инквизитора. Богато разукрашенный национальный костюм с серебряными газырями и инкрустированным драгоценными камнями поясом придавал облику палача зловещую ритуальную красоту.

«Дзз-зинннь!»

Это узкий кривой клинок с явным удовольствием и нескрываемым желанием, мягко скользя, покинул уютные ножны, не сопротивляясь и даже поторапливая руку убийцы, мол, давай быстрее, быстрее: «Только не дрогни! Не хочу назад! Дай мне войти в сердце врага и почувствовать его последний удар на моём острие!»

Все заворожённо смотрели, как острый и изогнутый конец древнего кинжала приближался к жертве. Но старик не спешил. Он ещё не выбрал себе ритуальную жертву. Изуверское воображение только начало рисовать религиозному фанатику картину казни. Старец шёл медленно, останавливаясь на секунду после каждого шага, словно отсчитывал какое-то магическое число. Лихорадочный пульс плотно сжатой ладони передавался ножу, а тот в свою очередь радостно откликался мягким стуком в рукоятке.

Но кто станет жертвой, и чьё сердце скоро забьётся на клинке? «Эта красивая... нет, умопомрачительно красивая армянка? Ни у кого в нашем роду не было такой красивой женщины! Оставить её в живых для Мусы и его приятелей? Ну а кто будет принесён в жертву во имя Аллаха?» – размышляя об этом, палач подошёл вплотную к женщине и ребёнку.

Старинный, изогнутый полумесяцем клинок уткнулся между грудей армянки. Старик, криво усмехнувшись, наконец понял, что он будет делать. Острие кинжала легко надрезало кофточку, и упругие груди открыли всем свои крупные тёмные соски в окружении таких же тёмных больших ареол.

– Не любишь лифчики, красавица. Мои джигиты тоже их не любят!

Кинжал скользнул вниз, разрезая ткань и обнажая женскую плоть. Отлетела последняя нижняя пуговица, и старик увидел, как вокруг пупка испуганной до смерти женщины проступили капельки пота. Клинок прошёл чуть ниже и, подрезав пояс юбки, дал возможность увидеть её трусики... Уже можно... Но надо подождать, чуть позже. А сейчас... Костлявая сухая рука слегка ткнула рукояткой кинжала в живот армянки, и та от боли слегка отпрянула. В образовавшееся между телом женщины и мальчиком пространство старик завёл поглубже нож и повернул его влево так, чтобы полумесяц охватил тоненькую шею малыша.

Виолетта, не отрываясь, смотрела в глаза убийцы, не понимая его замысел. А старик знал, что делал: искривлённое острие уже зацепило шею мальчика где-то под правым ухом, в районе сонной артерии, и врезалось в горло. Неожиданно палач сильно толкнул женщину назад. Инстинктивный рывок матери в попытке прижать сына к себе и резкое движение кривого турецкого клинка в противоположном направлении оставили отрезанную и, кажется, ещё кричащую голову мальчика в материнских руках.

Его обезглавленное тело сделало шаг, протянув навстречу палачу руки, и упало, булькая кровью. Нательный православный крестик соскользнул с шеи и остался лежать в растекающейся красно-бурой луже.

Старик чуть отступил, любясь эффектом свершённого ритуала.

– Учитесь, головорезы, как надо убивать!

Даже Муса, многое повидавший в тренировочном лагере ЦРУ и потом выполнявший по миру спецмиссии посланника демократии, отвернулся, не в силах сдерживать рвотные позывы. Остальные свидетели ритуальной расправы вообще потеряли рассудок. Дальнейшее происходило в какой-то сумасшедшей агонии.

– Она ваша. Оцените красоту!

Звериные взгляды опьянённых кровью азеров вернулись к обнажённым грудям и животу Виолетты – которые они только минуту назад похотливо воцеловали, нетерпеливо теребя руками у себя между ног.

Муса, вытерев мокрые от блевоты губы, стоял в стороне, морщась от неприятного запаха во рту.

– Эй, вы ещё успеете снять штаны! Помогите Мусе – наклоните её, а я посмотрю... как это в Америке называется, порно, да? – распорядился старый Ахмет.

Насильники разложили Виолетту на холодной земле и развели ей ноги. Насиловали по очереди. Пока кто-то вбивался в неё, жёстко вминая груди и кусая в кровь соски, остальные

держали женщину за ноги, не давая ей свести их вместе. Сделав своё грязное дело, они отошли, вытирая мокрые и липкие руки о штаны и снова ожидая своей очереди.

Старик всё это время стоял, преклонив колено, у головы Виолетты и смотрел ей в глаза, ожидая увидеть там...

Наверное, смерть...

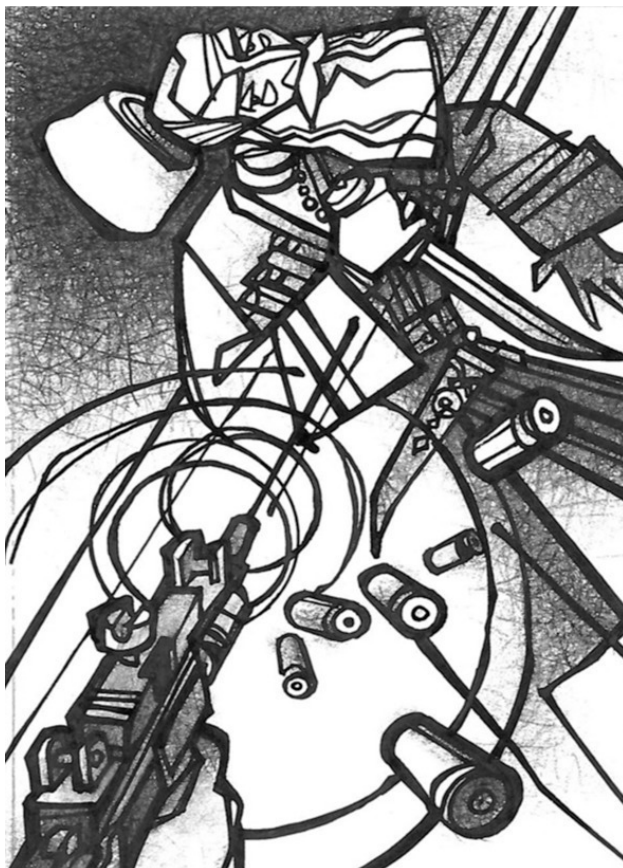
«Та-та-та-та-та!!!»

«Та-та-та-та-та!!!»

– Вии-ааа-лэээ-тт-ааа!!!

«Та-та-та-та», – изрыгал «узи» заскучавшую в нём и предвкушавшую кровавую расправу смерть. Вот оно её, смерти, звёздное мгновение! Смотрите все, как красиво падают тела крепких мужчин. Пощады хотите? Никому и никогда!

«Та-та-та-та – это тебе, старик, ты ведь ждал меня? Ощути, как моя пуля прошивает твоё дряхлое тело и рвёт твоё жестокое звериное сердце! Ты ведь, заглядывая в глаза своим жертвам, всегда хотел знать, что они, пронзённые твоим холодным клинком, чувствуют. Ну, и как тебе с пулей в груди? На, вот тебе ещё очередь – она прошьёт твою седую голову и разбрызгает по земле твои фанатичные мозги! Ты же мечтал о такой смерти, не так ли?» – звонко отстукивал свой давно заготовленный и хорошо отрепетированный монолог автомат.

«Та-та-та-та» – Эдуард всё никак не мог отпустить спусковой крючок автомата. Не ожидавшие такого расстрела в спину, четверо азербайджанцев уже лежали бездыханными, а обезумевший армянин продолжал опустошать рожок в их мёртвые тела. Застигнутые врасплох, насильники не успели обернуться и даже не видели того, кто их расстрелял. Сами же они представляли собой отличную мишень. Овсепян хорошо различал их контрастные силуэты на фоне полыхавшего детского домика.

«Та-та... тр-пр» – автомат наконец захлебнулся, выпустив последнюю пулю в голову неподвижного старика. Серый каракуль лежавшей рядом папахи был забрызган кровью, губы старика замерли в кривой усмешке, словно настигшая его смерть была радостным и давно ожидаемым событием. Эдуард в трансе, качаясь и тихо подвывая, смотрел на пламя, в котором горели тела его матери и детей. Рядом валялась полупустая канистра с бензином, из которой их, очевидно, облили и подожгли. Он вылил остатки бензина на трупы азербайджанцев, подтащил их и бросил в огонь. Одного молодого высокого и крепкого бандита Овсепян поднять не смог, поэтому оставил его лежать рядом с горевшей кучей тел. Последним в костёр был брошен старик в национальном костюме.

Покачиваясь, Эдуард раз двадцать – руки у него всё ещё дрожали – щёлкал зажигалкой, пытаясь поджечь того молодого, на которого не хватило сил. Но зажигалка сломалась, и Овсепян в отчаянии швырнул её в сторону. В этот момент из горящего костра неожиданно вывалилась рука старика. Длинные, корявые в суставах пальцы разжались, и к ногам Овсепяна упал изогнутый турецкий кинжал с рубиновым сердечком в рукоятке. Эдуард поднял нож и посмотрел на растёкшуюся по лезвию кровь. Что-то стукнуло в рукоятке кинжала и отдалось вибрацией в ладонь, выведя Эдуарда из оцепенения. Он вздрогнул и оглядел место трагедии. Откуда-то вдруг появилось отрешённое спокойствие, смешанное с безнадёжной обречённостью. Все предметы вокруг проступили из мерцающей отблесками пламени темноты с удивительной чёткостью, будто хотели, чтобы он их запомнил навсегда. Внутренне опустошённый, Эдуард безразлично, как на осмотре места происшествия, обводил их взглядом, подробно фиксируя все детали на киноплёнку подсознания.

«Нет, пояс врага я тоже сниму!» – решил он и принялся вытаскивать тело старика из огня, пока тот окончательно не испортил роскошный, инкрустированный явно драгоценными камнями пояс с ножнами.

«Кланяйся, как Раскольников, своей жертве!» – ему вдруг вспомнилась сцена из любимого «Преступления и наказания», когда убийца вынужден был наклониться к мёртвой старухе-процентщице, чтобы снять с шеи кошелек. Овсепяну тоже пришлось, поднимая из жадности драгоценный кинжал, поклониться своим жертвам, горевшим вместе с его детьми и матерью.

– Мальчики мои, пойдёте домой!

Кровавый в отблесках пламени Эдуард обернулся на голос и только тут заметил в стороне свою жену, сидевшую на земле с широко раскинутыми ногами. Он-то думал, что азербайджанцы расправились со всеми, в том числе и Виолеттой, бросив их тела в огонь, и не ожидал увидеть её живой. Пули по счастливой случайности не задели её. Она была без юбки, в расстёгнутой нараспашку кофте, из которой торчали груди с искусанными до крови сосками. Даже в таком виде, с растрёпанными длинными волосами и поруганная, на грани помешательства, она оставалась красивой женщиной!

Эдуард направился к Виолетте, на ходу вставляя в автомат новый магазин.

– Мы должны ехать, – глухим голосом произнёс он.

– А мама, а детки? – Она явно была не в себе и отказывалась принять их жуткую смерть.

Тут он заметил, что жена что-то крепко прижимает к груди. Это была голова их младшего сына, вырвать которую из её цепких рук мужчина не мог. После нескольких бесплодных попыток, понимая, что время уходит и на выстрелы могут сбежаться другие бандиты, он закрыл глаза и ударом приклада выбил голову ребёнка у Виолетты. Голова упала на землю и, выписывая кровавый зигзаг, откатилась под охваченную пламенем стенку детского домика, уставившись на отца открытыми глазами.

– Виолетта, вставай! Нам нужно уходить! – Эдуард тормозил жену за плечо.

Но она не реагировала на слова. Эдуард присел перед ней на корточки, пытаясь поймать её взгляд. Бесплезно. Жена в глубоком трансе с полужакрытыми глазами медленно качала

головой, не останавливаясь ни на секунду. Эдуард схватил Виолетту за подбородок, чтобы посмотреть ей в глаза, но они тут же закрылись. Шевелились только губы, и в невнятной абра-кадабре он смог различить лишь имена сыновей. Эдуард отложил автомат и попытался поднять Виолетту на ноги, но они подкашивались, отказываясь быть опорой телу. Эдуард оставил жену на время, размышляя как быть. Тут он заметил сорванную юбку. Поднял и осмотрел – пояс оказался разрезанным. Он отряхнул юбку и надел на Виолетту, подвязав платком.

С автоматом на плече Эдуард в последний раз окинул взглядом детскую площадку, на которой догорала гора человеческих тел. В нос ударило едкое зловоние, замешанное на горелом мясе, бензине и дыме. Эдуарда стошнило. Отдышавшись, он приподнял жену под мышки и перекинул её безвольное тело через плечо. Так и поковылял к автомобилю, с висевшей на нём живым трупом Виолеттой.

– Брат, что тут случилось? – Перед ним возникли двое азербайджанцев, с опаской косясь на оружие.

Стрелять в них нельзя. В конце улицы, хотя и далековато, виднелась возбуждённая толпа, которая спешила на выстрелы.

– Слушай, наши там армяшек пакоцали, да! – Овсепян, родившийся в Баку и свободно говоривший на азербайджанском, умело подстроился под местный говорок. – И золотишко делят: много есть – идите, и вам достанется! Я вот девушку себе взял. Ай, какая красивая! – импровизировал Эдуард, ужасаясь своему цинизму.

В темноте не разобрать, армянин ты или азербайджанец, – все они в эту безумную ночь были одинаково чёрными и небритыми. А если кто-то в тёмной январской ночи чисто говорит на азербайджанском языке или по-русски с характерным местным акцентом, какие могут быть сомнения? Конечно, это брат несёт неверную своим друзьям позабавиться.

«Поверили!» – выдохнул Эдуард и поспешил к машине.

Он бережно уложил жену на заднее сиденье «Волги» и закрыл дверь. Бросил в багажник спортивную сумку и сел за руль. На несколько мгновений он устало прикрыл веки и перевёл тяжёлое дыхание. На соседнем сиденье лежал автомат, заранее снятый с предохранителя и с передёрнутым затвором. Вздвигнутый «макаров» лежал у него между ног. «Нет, от греха подальше». И Эдуард, щёлкнув собачкой предохранителя, переложил пистолет справа от себя, под рычаг переключения скоростей.

Он повернул ключ в замке зажигания, – двигатель завёлся, как всегда, с «полтычка», – выжав сцепление, включил первую передачу и поехал прочь из города-убийцы – Баку, обнажившего свои вампирские клыки и наслаждавшегося пьянящим ароматом крови тысяч невинных жертв. Толпа почтительно расступилась, пропуская «Волгу» с известным блатным номером.

Эдуард думал о справедливости свершённой им мести, не осознавая, что оставляет в Баку многих неизвестных ему кровников, и не понимая, что теперь, после расстрела насильников, не имеет никакого значения, кто первым начал бойню. Кровь, обагрявшая руки армянских и азербайджанских мужчин, и слёзы, умывшие лица их женщин, дали каждому право на свою, пусть и одностороннюю, правду. И за неё они готовы были стоять насмерть.

Глава 5. На дороге мести следы не исчезают

Исмаил Искандеров приехал в посёлок Мехеммеди и занял свободный столик в кафетерии под густой алычой. Его полное, без талии, тело, с трудом уместившееся на стуле, придавало ему сходство с пингвином. Всегда лощёное круглое лицо с надутыми щёками делало его похожим на какого-нибудь турецкого султана. Сейчас же лицо Искандерова, словно у султана в изгнании, осунулось, щёки обвисли, а под глазами появились тёмные круги от недосыпания. Проходя мимо, официант косился на его погоны подполковника милиции. Его здесь хорошо знали, но никогда не видели в форме.

Искандеров был измотан последними событиями в Баку. Он без конца мотался по городу, выезжая на места столкновений с армянами. Если формально пострадавшей стороной должны были оказаться азербайджанцы, то Искандеров обязательно надевал форму. Если же ему нужно было посмотреть со стороны, как будет происходить налёт на армян, и в случае непредвиденных обстоятельств прикрыть своих единоверцев, то он был в штатском, но с удостоверением офицера милиции и, конечно, с оружием. Но закрутившиеся в сумасшедшей пляске события затащили Искандерова в свой водоворот так, что он потерял ощущение времени и понимание того, на чьей стороне ему следует быть в конкретный момент. Поэтому Искандеров и пришёл на встречу в кафе в форме.

Он, вообще, случайно вспомнил, что ещё неделю назад договорился встретиться здесь с Мусой, чтобы получить деньги за сопровождение одного важного груза, который ночью сначала доставили в американское посольство, а следующей ночью перевезли в потайное место. Как догадывался Искандеров, это было оружие. Откуда вдруг могли появиться на улицах Баку автоматы «узи», кольты и парабеллумы? За услугу по прикрытию перевозки груза Муса обещал ему щедрое вознаграждение. Хорошо, что вовремя вспомнил про встречу. Измотанный, на пределе своих сил Искандеров сидел за столиком в одиночестве и ждал Мусу, гадая, как именно тот связан с американцами. Муса даже бравировал свободным входом в их посольство, намекая на свои особые с ними отношения.

Муса опаздывал уже больше чем на полчаса. Искандеров нервничал, постоянно поглядывая на часы. Он приехал на личной машине, так как его заместитель Овсепян почему-то до сих пор не вернул служебную «Волгу» с рацией. Отсутствие связи представляло ещё одну серьёзную причину для беспокойства – вдруг начальству вздумается его искать, что было очень вероятно в создавшейся в Баку обстановке, но и деньги получить Искандерову очень хотелось.

«Чёрт возьми, где же он пропадает? – переживал Исмаил. – И Овсепян куда-то запропастился. Я же сказал ему сидеть дома и ждать моих указаний, а он ещё и оперативную машину забрал! Неужели смылся, хачик проклятый?»

Вообще-то Искандерову было от чего занервничать. Межнациональные столкновения, причём, не имели к этому никакого отношения. Его план присвоения найденных в угнанной «девятке» нескольких миллионов в рублях и валюте и кучи золота начал давать сбой. А так всё тщательно было спланировано. Автомобиль цвета «мокрый асфальт» оставлен в качестве приманки, мол, следи, Овсепян, за теми, кто придёт к машине. «Сумку с деньгами и драгоценностями отнеси пока домой – видишь, какая канитель в отделении, нет времени оформить, да и как хранить столько ценностей в таком бардаке, поэтому пусть они лучше полежат у тебя дома», – так говорил своему заместителю Искандеров, замышляя под видом мародёров нагрянуть на квартиру Овсепяна и расправиться с ним, присвоив целое состояние и списав всё на погром.

Но сегодня ни рано утром, ни позже днём Искандеров, приезжая, никого в квартире на Каспийской улице не застал. Он даже вскрыл входную дверь, думая подождать Овсепяна в засаде, но отсутствие даже пожилой матери навело его на подозрения, что ждёт он армян

напрасно. Искандеров прошёл по всем комнатам – личные вещи и даже семейные фотографии оказались на своих местах. Но паспортов и свидетельств о рождении детей Овсепяна он найти не смог – значит, вся семья куда-то скрылась. Уплывшая из-под носа нажива окончательно испортила Исмаилу настроение. Он пока плохо понимал, как и где теперь искать Овсепяна.

А тут ещё этот чёртов Муса пропал. А ведь обещал расплатиться долларами. Расстроенный Искандеров заказал себе коньяку. Меню же, тяжело вздохнув, отложил в сторону. Муса не зря любил это место, где готовили лучшие в Баку шашлыки из осетрины. Ради этого деликатеса стоило потратить полчаса на дорогу, не говоря уже про мистически завораживающую картину вокруг. «Это место силы, дьявольской силы!» – часто говорил ему Муса, любясь вспыхивавшими прямо из земли огненными факелами.

Искандерову было не до мистики и красот: второй раз за день он, похоже, оставался без крупного куша. Опускаться до соучастия в грабежах и разбое ему не хотелось, хотя та сумка с миллионами и золотом, пожалуй, стоила выстрела. В конце концов, каким образом он думал захватить эти богатства? Конечно, нужно было стрелять в Овсепяна, да и всю его семью пришлось бы убивать, чтобы не оставлять ненужных свидетелей. Искандерова передёрнуло, когда он представил пять трупов в квартире. И заказал себе дополнительную двойную порцию коньяка.

«Пятерых уложить – это многовато, – размышлял он. – А одного Овсепяна...» Но Искандеров не дал своей мысли прийти к чудовищному выводу. Снова посмотрев на часы, он ужаснулся: прошло почти два часа, а Мусы всё не было. Что-то явно случилось. Пора было возвращаться в город. Не расплачиваясь, лишь бросив на ходу небрежное «потом!», он вышел из ресторана и сел в свою вишнёвую «семёрку».

Всю обратную дорогу Искандеров соображал, где ему искать Овсепяна и Мусу и с кого лучше начать.

– Время б ещё найти для этого! – выругался он вслух, сильнее нажав на педаль газа.

* * *

Номер «01—01 БББ» отлично себя оправдывал. Эдуард с Виолеттой выехали из ночного Баку, и никто не пытался их остановить.

Теперь он гнал милицейскую «Волгу» со специальным номером по пустынному шоссе, не боясь ни постов, ни гайшных засад, которых быть не могло, так как все в эту ночь были в Баку. А от сюрпризов должна была уберечь включённая на милицейской волне встроенная рация, но и она молчала.

Начинало светать. Нужно было остановиться и привести себя и жену в порядок.

Овсепян в знакомом месте свернул с трассы и через пару километров остановил машину на берегу небольшой горной речки, где он часто ловил форель. Река ничего не хотела знать о людском горе. Её быстрый поток шумно и весело струился на перекате между валунов, перескакивая через камни с басистым журчанием, словно болтая с ними. Эдуарду почудилось, будто река говорит с ним – о счастливой жизни, о новом наступающем утре, поднимающемся из-за гор солнце.

– Почему о жизни? Ты разве не знаешь, что пришла смерть?

– Не может быть, не может быть! Так не бывает! Посмотри на меня, как весело я живу!

– Посмотри на мои руки и кровь моих детей и врагов, которую ты с них смываешь!

– Нет-нет! Это ты посмотри, как через пять минут на перекат выйдет порезвиться форель! Ты же рыбак? Я тебя помню!

Он тряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение, но голос всё равно слышался отчётливо. Это очнулась Виолетта и звала его.

– Иду-иду, любимая! – Эдуард, не выпуская из рук автомат, поспешил к ней от реки.

А за его спиной, действительно, начинался новый чудесный день. Красавица-форель уже вышла на перекат насладиться восходом в это прекрасное, пока ещё прохладное утро. Через пару часов яркое солнце прогреет горный воздух и загонит рыбу в омут, в тень больших подводных камней, откуда можно будет поохотиться за отогревшимися насекомыми. Пока же форель резвилась, выпрыгивая из воды просто так, от предвкушения очередного хорошего дня. Рыбы было много. Она плюхалась то там, то здесь, беззаботно веселясь, будто нарочно желая обдать людей брызгами и поделиться с ними радостью жизни. Стремительное течение на пару секунд подхватывало серебристое тело, будто желая шмякнуть его со всей силы о камень. Но юркая рыбка отдавалась течению только на мгновение, чтобы прокатиться на нём метр-другой, как на аттракционе, и снова занять боевую позицию под камнем в ожидании очередной вкусной жертвы с крылышками!

Когда Эдуард вернулся к реке, ведя под руки Виолетту, рыба всё так же прыгала, оставляя круги на воде, которые вытягивались в длинную ребристую полоску, а потом разрывались быстрым течением.

Он, заядлый рыбак, разрыдался до слёз, понимая, что никогда не сможет вернуться к этой красоте, к своему любимому увлечению – ловле горной форели. И... никогда уже не поделится со своими любимыми сыновьями волнительным ощущением натянутой как струна лески и трепещущей на ней от страха, невидимой в глубине чьей-то жизни, мечущейся в разные стороны в последней попытке спастись. Слёзы заливали лицо много повидавшего в жизни мента. Рыдания, которые он давил в горле, душили его и не давали дышать.

«Нужно взять себя в руки и спасти хотя бы жену и память о...» И взрослый мужчина в слезах и рыданиях упал на каменистый берег. Вечная, неумирающая река слизывала своим

потоком, словно языком, кровь с его рук, будто пытаюсь попробовать на вкус неизвестную ей смерть!

Эдуард, умыв и переодев безжизненную и отрешённую, но по-прежнему красивую жену, отвёл её к машине. Сам переоделся в мундир подполковника милиции, проверил его, то есть теперь свои на этот день, документы, в багажнике под резиновым ковриком спрятал собственные настоящие документы. Грязную окровавленную одежду завалил камнями в стороне от прибрежной тропинки, чтобы никто случайно её не нашёл.

Оперативная «Волга» наматывала на свои колёса щербатые километры асфальта шоссе Баку – Краснодар. Овсепян, уйдя в мысли, крепко вцепился в тонкий ребристый руль, изредка – уходя от выбоин на дорожном покрытии – дёргая им то вправо, то влево. Так и мысли его прыгали то к жизни: как лучше проехать до Краснодара к брату и что делать, если всё-таки остановят гаишники, – то назад, к событиям прошлой ночи. Виолетта молчала, прислонившись головой к холодному стеклу, и совершенно не обращала внимания ни на тряску, ни на нырки автомобиля.

«Только бы не сошла с ума! – молил неизвестно кого Эдуард. – Она же как-никак психиатр – должна справиться! Боже, ну хоть в этом помоги! В каком борделе ты вчера ночью загулял, спасая грешниц и греховодников, что не заметил турецкий кинжал на горле моего сына!»

Ком рыданий снова встал поперёк горла, взгляд у Овсепяна затуманился, и он рефлексивно включил дворники, пытаясь смахнуть свои слёзы и рассмотреть дорогу, лежавшую перед ним.

«Майор, возьми себя в руки – с соплями не доедешь и кончишь в кювете! – попытался встряхнуть себя Эдуард. – Это было не с тобой. Ты просто везёшь обычную потерпевшую. Лучше подумай, всё ли на местах: пистолет, „узи“? Что первым покажешь: удостоверение личности или водительское? Почему права? Конечно, красные корочки. Кстати, Искандеров Исмаил... как его там? Фуражку лучше положить на торпеду. Рядом с Кораном, не мешает? Блин, откуда он здесь?»

И Эдуард профессионально начал прокручивать плёнку памяти, которая, странно, больше не причиняла ему боли.

«Действительно, нужно запомнить, что я просто мент, а это – рядовое изнасилование с ситуативным убийством случайных свидетелей, и мне не больно... Но всё-таки как попал в машину Коран?»

И в памяти, словно на фотобумаге, опущенной в проявитель, начали проступать обрывки прошлой ночи. Силуэт детского домика. Сидящая у его стены жена с прижатой головой... «Нет, не здесь. У кого он мог быть? Мама, лежащая вместе с Суреном и Ашотом. Всё залито кровью. Книги, кажется, нигде не видно».

Эдуард повертел Коран. Странно, но на нём не было ни капли крови – святая книга, подробно описав все человеческие грехи, на себя их брать не хотела.

«Пояс старика! Точно! Книга была заткнута под него, и я, выдёргивая пояс из огня... Так и есть – страницы немного обожжены по краям. Значит, я механически подобрал пояс, упавший к моим ногам Коран и... проклятье, кинжал! Я же бросил их в сумку, не осмотрев!»

Завизжали тормоза... «Волга», резко сбрасывая скорость, завиляла задом и пошла юзом. Голова Виолетты качнулась вправо и потом с размаху ударилась о стекло. Сама Виолетта продолжала молчать, никак не реагируя на происходящее и на резкую от удара боль в виске.

«Кажется, сошла с ума!» – Быстро глянув в зеркало заднего вида, Эдуард сумел выровнять сорвавшуюся в вихляющее скольжение машину и наконец остановить её.

В багажнике был беспорядок: канистры упали, но бензин не протёк сквозь плотно закрытые крышки, сумка отлетела в самый угол. По всему багажнику валялись пачки банкнот по двадцать пять, пятьдесят и сто рублей. Пояс и кинжал, вызываясь блестя своими драгоценностями, тоже вывалились из сумки.

«Идиот, забыл застегнуть молнию!» Эдуард наклонился и начал разбирать разбросанные вещи. Перекидывая пачки с деньгами обратно в сумку, он забылся и незаметно для себя перешёл на их подсчёт. «Сто, двести, триста тысяч... пятьсот...» – беззвучно шевелил он губами, иногда их жадно облизывая.

Внезапно за его спиной противно заскрипели тормоза и включилась сирена.

– Попрошу ваши документы!

Сзади на Овсепяна надвинулась чья-то массивная тень.

* * *

Вернувшись в Баку, Искандеров заехал в отделение и сразу затребовал сводку происшествий за последние сутки. Пробежав по ней глазами, он понял её бесполезность – в сводке были отмечены лишь незначительные происшествия, исключительно для формальности. «Мелкое хулиганство неустановленных лиц» – стояло напротив всех пунктов.

– Что по нашему району? – обратился Искандеров к дежурному офицеру.

– Несколько разбитых магазинных витрин и окон в домах... – начал докладывать лейтенант.

– Что, неужели в парке никто даже не подрался? – раздражённо бросил Искандеров. – Какой у нас образцовый район, оказывается!

– Виноват, товарищ подполковник!

– Ну, извини, – понимая, что дежурный ни при чём (не он же хитро составлял безликие и неинформативные сводки происшествий), смягчил тон начальник отделения. – Сам-то что знаешь?

– Сегодня утром во дворе дома на Гоголя обнаружили несколько тел, – лейтенант побледнел и глубоко вздохнул.

– Конкретнее! Кто осматривал место происшествия? – У Искандерова мелькнула мысль, что это недалеко от дома Овсепяна.

– Я, товарищ подполковник!

– Протокол соста... – Искандеров осёкся, осознав бессмысленность вопроса. – Расскажи-ка подробнее.

– Странный случай. Прошлой ночью кто-то расстрелял из автомата нескольких азербайджанских мужчин и сжёг их вместе с телами старухи и двоих детей. Входные пулевые отверстия у всех одинаковые... Стреляли в спину. Автомат иностранный. Вот пули.

– Кто обнаружил?

– Я...

– Да нет – тела кто нашёл?

– Двое прохожих. Они, кстати, рассказали, что недалеко от места происшествия видели мужчину в милицейской форме с автоматом. Он нёс женщину. Уехали на серой «Волге». Номер не запомнили – темно было.

Искандеров замер – неужели это был пропавший Овсепян?!

– В какой морг отвезли тела?

– Все сильно обгорели – опознать будет невозможно... Вот только есть голова...

– Что значит «есть голова»? – недоумённо уставился Искандеров на подчинённого.

– Она была отрезана и лежала в стороне. Видимо, когда убийца укладывал тела, он её не заметил в темноте.

– Всё равно нужно поехать и посмотреть! – В голове Искандерова догадки – милиционер с женщиной, убитые старуха и двое детей – стали складываться в пока ещё неясную версию.

– Лучше навестить раненого в больнице...

– Лейтенант, чёрт возьми, сколько раз просил начинать доклад с главного! А ты мне про кучу горелых трупов и голову – как кино пересказываешь! Адрес, живо! – Искандеров бросился к выходу. – И тех двоих очевидцев через два часа доставить в отделение.

Лейтенант проводил начальника удивлённым взглядом: это было первое за последние дни происшествие, которым подполковник заинтересовался настолько серьёзно.

Подъезжая к клинической больнице №4 на улице Тельмана, Искандеров уже был почти уверен, что неизвестный раненый имеет какое-то отношение к пропавшим Овсепяну и Мусе. Набросив халат на плечи, он быстро шагал по коридору, едва сдерживая себя, чтобы не перейти на бег.

– Он только пришёл в себя и ещё очень слабый. – Сзади семенил главный врач. – Мы дали ему большую дозу обезболивающего.

– Что с ним? – не оборачиваясь, спросил Искандеров.

– Пулевые ранения в грудь и плечо... сквозные... Органы не задеты... большая кровопотеря и ожог левой стороны лица, – перечислял доктор. – Вы, пожалуйста, не долго, только посмотрите, и всё.

– Сам решу, что мне делать! – отрезал подполковник и резко распахнул дверь в палату.

На дальней койке у окна неподвижно лежал мужчина с перебинтованным лицом, но по знакомым чёрным глазам, беспокойно и зло зыркнувшим на вошедших, и густой бороде, торчавшей из-под бинтов, Искандеров понял, что перед ним Муса. «Слава Аллаху, живой!» – подумал Искандеров, присаживаясь на услужливо подвинутый табурет.

– Мы-ы-ы!!!

Муса простонал, попытавшись, видимо, пошевелить губами. Его пронзила резкая боль, словно бормашина всверлилась в черепную коробку изнутри.

– Тихо-тихо, теперь всё будет нормально. Я нашёл тебя, – успокаивал раненого Мусу Искандеров. – Завтра вечером навещу ещё раз. Прости, нужно бежать – дел неувпроворот, свидетелей буду допрашивать, двое видели того, кто стрелял в тебя.

В прорезях бинтов снова сверкнули глаза. Выйдя из палаты, Искандеров спросил врача, когда пациент поправится и сможет полноценно общаться.

– Трудно что-то определённое сказать, всё зависит от индивидуальных особенностей восстановительного процесса, но организм у вашего знакомого крепкий. Надеюсь, что через неделю попробуем снять повязку с лица.

– Доктор, постарайтесь пораньше! Мне крайне необходимо с ним поговорить! Если чем-то нужно помочь, дайте знать и... – Искандеров взял паузу, чтобы положить в нагрудный карман врачу сотенную бумажку. – Если можно, переведите его в индивидуальную палату!

– У меня все палаты переполнены! – доктор развёл руками.

– Ну, переполни какие-нибудь побольше, не мне ж тебя учить. Я буду завтра! – как бы обозначил срок исполнения поручения Искандеров и вышел на улицу.

* * *

Искандеров исправно навещал Мусу в больнице. Врач освободил палату, и Искандеров, не таясь, рассказывал Мусе новости, но тот сам говорить не мог. Только через пять дней ему сняли повязку.

– Кто? – первым делом спросил Муса Искандерова.

– А ты сам его не видел? – задал встречный вопрос подполковник.

– Нет, он со спины подошёл очень тихо и расстрелял нас.

– А что ты вообще там делал, на детской площадке? Каким ветром тебя туда занесло?

– Да так, с армянами хотели разобраться...

– Отрезанная голова – твоих рук дело?

– Нет, что ты! Это сумасшедший старый Ахмет устроил резню своим турецким кинжалом! Вы случайно его не находили? Это дорогая семейная реликвия, очень древняя...

– Никакого кинжала там не было, одни только трупы. С кем ты был?

– С Ахметом и его родственниками... Брось, они уже мертвы! Нужно вернуть кинжал любым способом! Ты нашёл того, кто в меня стрелял? Кто он?

– Судя по описанию очевидцев, это мой заместитель майор Эдуард Овсепян. Он исчез несколько дней назад, сразу после вашего расстрела, и, похоже, угнал служебную «Волгу». Так что вряд ли он в Баку.

– А где может скрываться?

– У него есть тётка в Сумгаите, но он не дурак, чтобы ехать к ней! Скорее рванул к брату в Краснодар. Адрес должен быть в личном деле. Послушай, а когда ты рассчитаешься со мной за охрану груза?

– Понимаешь, Искандеров, – Муса задумался на минуту, – тут такое странное дело. У меня пропала «девятка» из одного укромного местечка, а в ней как раз были деньги и кое-что ещё! Поэтому придётся обождать с расчётом.

Искандеров напрягся, что не осталось незамеченным для Мусы.

– Ты чего? – подозрительно глядя на милиционера, спросил Муса. – Тебе что-то известно?

– Деньги отдашь? Не обманешь? – отвёл подозрения Искандеров. – Машина в угоне? Где она стояла?

– Какая тебе разница? Она у вас, что ли?

– Нет, но Овсепян докладывал, что обнаружил как раз именно «девятку», числящуюся в угоне, и собирался организовать засаду.

– Больше ничего не говорил? Про деньги, например?

– Нет, не говорил, – Искандеров уже взял себя в руки и говорил ровным голосом. – Если он уже тогда собрался бежать, то зачем ему болтать про деньги? Овсепян не идиот.

– Значит, нужно искать твоего Овсепяна в Краснодаре!

– Неужели кинжал так ценен? – удивился Искандеров.

Муса не успел ответить – в палату вошла медсестра и попросила Искандерова заканчивать визит.

– Скоро выпишут моего друга? – поинтересовался у неё, уходя, Искандеров.

– Неделью полежать придётся.

Оставшись один, Муса стал планировать поездку в Краснодар, рисуя в воображении различные сценарии отмищения. «Вот только когда мне удастся выбраться в Краснодар? Мне ж ещё нужно встретиться с американским резидентом. Что он мне скажет? Успею ли я застать Овсепяна? Опять напомнит о переподготовке на их базе на Крите? А если прикажет ехать, тогда могу потерять этого армянина!» – размышлял он, лёжа в кровати.

* * *

Овсепян вздрогнул от неожиданного окрика. Он уже перекидал в сумку почти все деньги. В дальнем углу багажника лежал и прислушивался, поджидая свою очередную жертву, легендарный кинжал, чьё дьявольское проклятие только усиливалось с каждой застывшей на нём каплей крови. А клинок был весь в запёкшейся крови – крови его, Эдуарда, сына.

– Кто такой? – спросил неизвестный с восточным акцентом. – Без резких движений! Руки вверх!

– Я подполковник милиции из Баку. У меня табельное оружие с собой. – Лже-Искандеров медленно повернулся, демонстрируя кобуру на боку и закрывая собой содержимое багажника.

Пистолет отвлек внимание молоденького лейтенанта милиции с щегольскими тоненькими усиками. Его напарник остался сидеть за рулём жёлтого патрульного «жигулёнка» с синей продольной полосой, остановившегося в трёх метрах от «Волги».

– Документы в машине, – Овсепян, воспользовавшись тем, что лейтенант рассматривал номер на «макарове», прикрыл крышку багажника и направился к водительскому месту.

«Кажется, я положил „узи“ рядом с собой. Только бы он не был поставлен на предохранитель – не успею! – лихорадочно соображал Овсепян. – Может, попробовать просто откупиться? Хотя с чего это подполковник милиции будет предлагать деньги летёхе?» – вынес приговор наряду ГАИ Эдуард.

Он сел за руль и потянулся якобы за документами в бардачке – автомат, заранее снятый с предохранителя, лежал справа на пассажирском сиденье, стволом к дверце, за которую уже взялся лейтенант.

– А это кто с ва... – только и успел он кивнуть в сторону Виолетты, лежавшей на заднем сиденье.

– Какая тебе разница! – прошептал Эдуард, нажимая на спусковой крючок.

Виолетта даже не вздрогнула при выстрелах. Лейтенант, получив короткую очередь в грудь прямо под знак «Отличник милиции», сделал шаг назад и упал в кювет. Овсепян проворно выскочил из машины и направил автомат на его напарника, который дёргался, пытаясь включить заднюю передачу. Со страху он перепутал педали и вместо сцепления отчаянно нажимал на газ. Двигатель ревел на высоких оборотах, но автомобиль не двигался.

«Совсем пацан, только после армии, наверное!» – думал Овсепян, приближаясь к патрульной машине и не отпуская курок. Вжикнув на прощание, пули, словно пчёлы-убийцы, радостно покидали улей, устремляясь в молодые, широко распахнутые глаза. От удара голова милиционера откинулась назад, а потом упала на рулевую колонку, включив «дворники».

Так Овсепян и запомнил его глаза за дырявым стеклом, забрызганным кровью, по которому метались стеклоочистители, словно пытаясь отмахнуться от пуль. Он перетащил оба тела на заднее сиденье. Повертев пистолеты, бросил их на пол и взял только магазины с запасными боекомплектами. Набросив чей-то валявшийся в салоне китель на водительское место, чтобы случайно не испачкать свою форму в крови, сел за руль и одним резким тычком включил заднюю передачу. По днищу застучали мелкие камни, вылетающие из-под колёс. Метров через тридцать Овсепян, сдавая задом, влетел на просёлок и въехал глубоко в кусты. Он облил салон с трупами бензином и, морщась от неприятного запаха горячего, пока выжидал, когда разгорится спичка, бросил её на тело лейтенанта.

Потом вернулся к оставленной на обочине «Волге». Бросил взгляд направо-налево – на шоссе никого не было видно. «Откуда эти гаишники свалились на мою... свою голову? – недоумевал Эдуард, открывая багажник. – Так, нужно помыть кинжал!»

Он взялся за рукоятку ножа и почувствовал отчётливый толчок в руку. Он постоял несколько секунд, непонимающе уставившись на холодное оружие. «Нет, показалось», – успокоил себя Эдуард и стал обильно поливать лезвие из баклажки, смывая, стирая собственными руками кровь своего младшего сына. Пояс – Овсепян внимательно его осмотрел – был чистый. Положив в нагрудный карман что-то около тысячи рублей банкнотами разного достоинства, он собрал оставшиеся деньги обратно в сумку, прикрыв ими пояс, бебут и драгоценности. Сзади грохнул взрыв – это взорвался бензобак патрульной машины, словно давая сигнал, что пора сматываться с места преступления.

«Откуда могли взяться в угнанной „Самаре“ аж два миллиона? Мандаринчики? Нет, многовато для них. Эти проворачивают пятьдесят – сто тысяч, но никак не миллионы. Только браконьеры-икрянчики могут пропускать такие суммы. Наверное, уже начали подготовку к сезону. Интересно, кому были приготовлены эти деньги? Кому эти осетровых дел мастера

сейчас звонят? Ха-ха, ну и пусть урод Искандеров теперь с ними сам разбирается!» – размышлял по дороге Овсепян.

Глава 6. Кооператив с несчастливым номером

– Борис... Э-э?

– Борис Сергеевич.

– Да, Борис Сергеевич, вы всё правильно излагаете. Члены кооператива уплатили свои членские взносы, финансовый комитет в следующем месяце перечислит вашему ЖСК-1331, – чиновник сделал паузу, обратив внимание на очень несчастливое число кооператива, – компенсацию девальвированных из-за денежной реформы взносов.

– Значит, мэрия всё-таки достроит дом? – с надеждой спросил Борис Сергеевич Кузнецов, председатель недостроенного ЖСК.

– Мэрия компенсирует обесценение взносов, согласно действующему законодательству, – председатель комитета финансов Кудряшов устало откинулся на спинку кресла. – Миллион, и всё! У мэрии нет никаких обязательств перед пайщиками или застройщиками относительно завершения строительства.

Новые времена всех захватили врасплох перестройкой и государственным коллапсом. На таком фоне денежная реформа Павлова выглядела мелкой глупостью министра финансов. Председатель финансового комитета был морально измотан всей этой российской чехардой и сумятицей, а тут ещё выслушивай бесчисленных председателей недостроенных ЖСК. Один из них сейчас сидел перед ним и в растерянности мямл в руках кроличью шапку. В открытом взгляде его умных глаз, раньше времени окружённых сеткой глубоких морщин, одновременно читались и просьба, и надежда, и непонимание, откуда вдруг возник этот бардак на всю страну. Но на последней фразе Кудряшова этот взгляд потух от осознания полной безнадёги. В создавшейся ситуации миллион рублей выглядел подаванием нищему на паперти.

«У тебя хотя бы есть дом под крышей, а у других только фундамент или яма или вообще голый устав ЖСК с типовым проектом. И нулевые шансы получить заработанное и оплаченное долгожданное жильё. Этих денег хватит от силы на унитазы в пару подъездов, но никак не на сдачу дома госкомиссии», – думал Кудряшов, молча глядя на Кузнецова.

– Короче, Борис... э-э... Сергеевич, вы же умный и опытный человек и всё должны понимать. Никто, кроме вас самих, этот дом не достроит.

– Но, Леонид Алексеевич, члены кооператива оплатили полноценными рублями ещё пять лет назад свои пай, и я не могу больше ничего требовать от них. Да и нет у людей таких денег.

– Ищите инвесторов, рассматривайте любые возможности получить финансирование со стороны. Вот вышел закон «Об инвестиционной деятельности». Со своей стороны я обещаю вам, что мэрия не будет препятствовать законной деятельности, направленной на завершение строительства дома. Это всё, чем я могу вам помочь. Думайте, ищите и помните, что у вас не самая трудная ситуация – ваш дом стоит под крышей, а у кого-то только котлован... в лучшем случае.

Председатель невезучего ЖСК вышел из здания комитета финансов на Вознесенский проспект и, идя к припаркованной за углом, на Казанской улице, старой жёлтой «трёшке», размышлял над словами Кудряшова о поисках финансирования. Пока он сидел в кабинете высокого чиновника, мартовская метель укутала автомобиль белым саваном по самую крышу. Борис, пока смахивал снег с машины, решил ехать к Паше Шильману и Серёге Грановскому, давним приятелям и компаньонам по совместному тюремному бизнесу.

Офис они снимали. По правде говоря, это был никакой не офис, а обыкновенный двухместный номер в гостинице «Москва». Администрация отеля от безысходности сдавала мелким предпринимателям пару этажей под офисы. Туда же должен был подъехать и старший сын Кузнецова, Евгений, который два года назад закончил юридический факультет ЛГУ и работал в финской адвокатской конторе «Эрkki Пелтонен и ассоциаты». Евгений помогал отцу и его партнёрам юридическими советами.

Сегодня же их тюремный – как они называли между собой – бизнес должен был выйти на новый международный уровень, так как Грановский получил выгодное предложение из Франции, которое они и собирались обсудить. Евгения позвали, чтобы тот посоветовал, как лучше ответить на предложение и подготовить контракт.

«Надо будет намекнуть Паше и Сергею, что пора Евгения брать в долю или хотя бы на зарплату, – услуги, если контракт выгорит, будут нужны серьёзные». С этими мыслями Борис вошёл в гостиничное фойе.

Лифт с исцарапанными шпоновыми панелями остановился на восьмом этаже. Борис привычно направился налево по коридору. Старая вытертая ковровая дорожка заглушала его шаги, и, проходя мимо офисных дверей, он хорошо слышал, чем там бизнесмены занимаются.

Между делом мужики любили вызвать девочек, но не валютных из отельного бара внизу, а попроще. Вот и сейчас Борис улавливал доносившиеся из некоторых «кабинетов» знакомые звуки разгула.

Ну, вот и тёмно-зелёная дверь с табличкой «№8—404». Эту дверь он с компаньонами открывал, наверное, тысячу раз – руками, ногами и даже задницей, неся из бара поднос с бутербродами. Сейчас за ней было тихо. Похоже, Паша успел выпроводить свою фаворитку Ксюху. Борис постучал, и ему открыли. Все были в сборе, включая Евгения. Партнёры заняли почти всё небольшое пространство стандартного номера, расположившись кто на кровати, а кто в кресле. Шильман сидел на стуле за письменным столом. При виде Бориса Сергей Грановский встал и засуетился у чайника.

– Привет, Боря! Чай или кофе? – Сергей посмотрел на Кузнецова.

Грановский был маленького роста, немного суетливый, с не сходящей с лица улыбкой, всегда готовый рассказать какой-нибудь еврейский анекдот и первым же рассмеяться. Его дальнорзоркие большие, навывкате серо-зелёные глаза за очками в массивной оправе, как под увеличительным стеклом, казались ещё больше, усиливая выражение вечного весёлого удивления. При взгляде на Сергея всегда казалось, что он вот-вот воскликнет «не может быть!» и тут же заржёт во весь голос.

– Давай чай, замёрз, дрожу как суслик! Но, как говорится, мороз – не понос, идти можно! – ответил Кузнецов.

– Да уж, марток! – подал голос Паша. – Отморозишь яйца без порток!

– Женя, здравствуй! Как дела на работе? – Борис в присутствии своих партнёров, и особенно сегодня, старался держать со своим сыном нейтральный деловой тон.

– Всё окей, пап, полная хюйвя¹! – не удержался от шутки Евгений.

– Мужики, уже восемь вечера, а дел ещё до хрена, – перешёл к повестке дня Шильман.

Паша Шильман – здоровый и высоченный, как Сабонис, еврей лет сорока с густыми рыжеватыми волосами и такой же рыжей плотной, как щётка, бородой. Густые брежневские брови отлично прятали хитрый прищур его карих глаз, но всё равно весь его вид выдавал в нём человека всегда готового к жульничеству. Поэтому он отвечал за финансы и бухгалтерию, а также за важную связь с начальником одного исправительного учреждения под Гатчиной.

Фирма Паши, Сергея и Бориса – ООО «Квентика» – занималась механическим производством, выпуская различные несложные изделия и размещая заказы на базе механических мастерских ИТУ-16. Начальнику тюрьмы повезло в тяжёлое время занять общественно полезным трудом эков, давая им хоть какой-то заработок. Ну и сам он, конечно, регулярно получал от Паши различные бонусы. Фирме же было очень выгодно из-за низких издержек разместить там своё производство с высокой (на удивление) культурой труда и, как неожиданно открыли для себя приятели, отличной дисциплиной.

Действительно, напиться и прогулять смену невозможно. Весь день эки проводили под надёжной вооружённой охраной и под присмотром местных авторитетов, которых Шильман предусмотрительно тоже баловал регулярными подарками. Борис, инженер-механик по образованию, отвечал за производственный и технологический процесс. Сергей осуществлял связь с клиентами и выполнял различные административные функции. Кроме того, он часто бывал по личным делам во Франции и обзавёлся там обширными связями, которые начали приносить плоды и для общего бизнеса. Павел на их встречах брал на себя роль председателя и вёл неформальные записи, под которыми, правда, всегда просил партнёров поставить подписи.

Вот и сегодня он занял место за письменным столом и приготовил ручку и несколько листов бумаги.

– Сергей, что предложили твои французы? – начал рыжий Шильман.

– Они просят наладить выпуск металлических клеток для свиней. Прислали документацию, чертежи, техническое задание и требования к материалам. Я завтра закончу перевод,

¹ От финского *hyvää* – «хорошо».

но, кажется, ничего особенного. Что скажешь, Боря? – Грановский передал ему общий эскиз клетки с её размерами.

– Да, можно будет сделать, – сказал Кузнецов, внимательно рассмотрев чертёж.

– Наши эки точно смогут? А оборудование какое нужно? Ничего не придётся покупать? – уточнял детали Павел.

– Точно смогут, и оборудование у нас всё есть, – заверил Борис. – Нужно будет сказать Петровичу, чтобы нашёл среди своих сидельцев несколько хороших сварщиков.

– Мужики, контракт крупный, и оплата в валюте. Это сотни тысяч франков, часть можно оставлять во Франции. Я смогу договориться с Рене. Только вот по цене впишемся? Сейчас они покупают клетки где-то в Италии по полторы тысячи франков за штуку. А у нас какая будет себестоимость? – азартно тараторил Серёга, предвкушая удачную сделку и возможность не только заработать, но и вывести фирму на новый уровень.

– Нужно посмотреть ТЗ, материалы и прочее, но думаю, что за восемьсот франков сторгуемся. Согласен, Боря? – Шильман, тоже возбудившийся от возможной наживы, как всегда, когда волновался, почёсывал свою рыжую бороду над кадыком.

– А какие условия поставки? FOB или CIF? – подал голос Евгений, про которого все забыли.

– А что это такое? – уважительно спросил Паша и как-то по-новому посмотрел на молодого парня.

Женьку они знали давно. Выше среднего роста симпатичный брюнет спортивного телосложения. Ему было двадцать семь, но он выглядел моложе своих лет, что было необычно для человека, отслужившего срочную службу в спецназе в Афганистане. Немногие знавшие этот факт из биографии Евгения понимали, откуда у него прямой бесстрашный взгляд, который он никогда не отводил. Иногда казалось, что он смотрит на тебя через прицел. Простодушная, в отца, улыбка только усиливала этот эффект. От одной мысли, сколько раз Евгению приходилось нажимать курок именно с таким взглядом и, возможно, улыбкой, Паше стало нехорошо, и он поёжился, вспомнив, что тот ещё и мастер спорта по боевому самбо.

– Куда мы обязаны доставить товар за свой счёт и под собственную ответственность, ну логистика там, страховка, пошлины, – наслаждался вниманием взрослых бизнесменов молодой юрист, чувствуя свою значимость.

– А я щас скажу. Где-то я видел бумагу на эту тему, – копошился в документах Сергей. – Вот, нашёл! Порт Марселя.

– Значит, все расходы до Марселя на нас, – резюмировал Евгений.

– И какая тогда может быть цена? – спросил Борис.

– В восемьсот франков точно уложимся и наваримся ещё, но я завтра-послезавтра всё спокойно обсчитаю и буду точно знать возможную цену и прибыль. – Паша с довольным видом откинулся на спинку стула и закинул ноги на стол.

– Я так французам и напишу. Пара дней – это нормально. А ты, Женя, пока подготовь контракт на поставку, – произнёс Грановский.

– Мужики, но это большая работа, – поймал момент замолвить слово за сына Кузнецов-старший. – И за неё надо бы заплатить.

– Денег в кассе нет, да и не потянем мы расценки его адвокатского бюро, – с сомнением сказал Паша. – Но в долю, думаю, взять можно с учётом этой услуги и наших будущих проектов.

– Ну и отлично! – воскликнул Сергей. – Для начала пять процентов, а там посмотрим.

– То есть теперь у меня и Сергея будет по тридцать четыре. Боря, у тебя останется двадцать семь. Так и запишем! – Шильман первым быстренько поставил подпись под протоколом и передал его компаньонам.

– То есть вы по одному проценту сбрасываетесь, а с меня три – так, что ли, получается? – скорее для виду уточнил Борис, понимая, что одному спорить с двумя евреями ему не с руки.

– Получай свой золотой, Базилио! – подмигнул Евгению Грановский.

– Женья, зарегистрируешь изменения в устав, ладно? Это надо отметить – контракт с французами и новый партнёр! – Пашка уже доставал из шкафчика бутылку дагестанского коньяка.

Он всегда покупал его в фирменном магазине Ленинградского коньячного завода «Даг-вино» на Староневском проспекте, 172. Коньячок отлично пошёл под кофе и чай с лимоном и шоколадными конфетами в коробке, которую Шильман заныкал наверняка для своих девчонок, но тут решил шикануть по такому поводу. Стрелки часов приближались к полуночи, но компаньоны не спешили расходиться. Паша достал вторую бутылку и заказал по телефону в баре бутерброды с сыром и копчёной колбасой. Он уже точно знал, что домой не поедет и останется ночевать здесь с Ксюхой, которая, кстати, уже заходила днём.

– А что, Борь, у тебя с твоим кооперативом? Наступает не только прогресс, но и задница, да?

– Был сегодня днём на приёме у Кудряшова. Он сказал, что в следующем месяце мэрия переведёт примерно миллион для компенсации паёв, и всё. Дальше, мол, сами. Ищите, сказал, инвесторов для достройки дома. Найдём – мешать не будут. А этот миллион на фига? Даже сантехнику не купишь! – разочарованно вспоминал свой разговор в комитете финансов Кузнецов. – И ещё про какой-то новый закон «Об инвестиционной деятельности» упомянул.

– Женька, ты что-то слышал про него?

– Ну да, типа инвесторы вправе вкладывать, а государство обязано гарантировать право на частную собственность и регистрировать новые объекты. Как-то так.

– Мужики! – рыжий Паша хитро прищурился и снова принялся чесать бороду. – Есть кошерная таки идея! Короче...

Никто из этой четвёрки не покинул офиса до утра, Ксюха осталась – как Павлу хотелось бы верить – без работы в эту ночь, но зато у них родился потрясающий по простоте и наглости и, следовательно, суливший удачу бизнес-план.

Первоначальный проект жилого дома «601-й серии», утверждённый жилищным комитетом горисполкома, предполагал две десятиэтажные секции и одну шестиэтажную. Вот предприниматели и посоветовали своему другу, председателю ЖСК, направить полученный миллион не на бесполезные унитазы, а на перепроектирование той самой шестиэтажной секции с целью достройки недостающих четырёх этажей. Официальное заявление с печатью кооператива предлагало также «привести внешний вид жилого дома в надлежащее состояние и устранить очевидные проектные недостатки, ухудшающие архитектурный облик Приморского района». Подровненные под крышу безликие индустриальные коробки из пенобетона – это то, чего не хватало недавно насыпанному на месте Финского залива спальному району. А образовавшиеся пока только на бумаге новые тридцать две квартиры можно будет предложить через знакомых и друзей по рыночной стоимости для финансирования строительства дома.

Директор СМУ, подрядчик проекта, аж подпрыгнул на стуле, когда Борис, через день проспавшись, объяснил, что от того требуется. А требовалось совсем немного: доработать и утвердить проект достройки дополнительных этажей через знакомый ему ГипроНИИ... и начать стройку. Аванс в полмиллиона рублей был готов.

– Дорогие вы мои, да как же вы додумались-то? Ай да молодцы! Вся страна лежит на боку и вот-вот задохнётся, а вы моему СМУ такой подарок сделали. Никаких проблем с проектом не будет! – гарантировал счастливый директор.

Не менее счастливый и довольный Борис уже обдумывал последующий план действий. Оставалось правильно оформить права инвесторов, приём которых шёл полным ходом и должен был завершиться через месяц.

«Хорошо, что у нас есть мотивированные предприимчивые головы и молодые юристы со связями, ну и, конечно, постоянно изменяющееся, противоречивое и бестолковое российское законодательство. Время такое мутное. В общем, всё будет абсолютно законно! – уверял сам себя Кузнецов. – А принципы иметь можно, если бы они не стоили столько денег».

Глава 7. Скоро новоселье, товарищи кооператоры!

Кузнецов назначил общее собрание ЖСК на конец мая 1993 года. Облачившись в выходной костюм, он встречал на входе в ДК связи пайщиков кооператива. «Это я хорошо написал в пригласительной открытке о „торжественном моменте начала завершения строительства нашего дома по адресу улица Яхтенная“... – мысленно нахваливал себя за казавшуюся ему удачной канцелярскую фразу Борис, наблюдая за толпой радостно-возбуждённых людей. – И вроде бы ничего конкретно не обещал, но надежду дал!»

Не веря своему счастью, пайщики заявили на собрание в арендованный правлением кооператива Дом культуры в полном составе со всеми членами своих семей, включая бабушек, дедушек, детей, тещ и свекровей. В общем, всех тех, кто с зощенковским нетерпением ждал либо прописки в новом доме, либо чьей-то долгожданной выписки из старого. Такого аншлага не было даже на учредительной конференции кооператива. Все с волнением ёрзали на стульях в ожидании доклада председателя. Кто-то заранее, не дожидаясь выступления ревизионной комиссии и получения ордеров и ключей, уже начал праздновать виртуальное новоселье.

Борис стоял на трибуне, в волнении теребя несколько страниц своего выступления, и не узнавал пайщиков. «Куда подевалась их обычная агрессивность, подозрительность и склочность?» – удивлялся он.

В битком набитом зале царили единение и приподнятое настроение, отдающее лёгким пивным ароматом. Борис рассматривал счастливых пайщиков, медленно обводя взглядом ряд за рядом. Впереди свободных мест не было. Все стремились поближе к сцене, словно боялись пропустить важную информацию. Пустыми оставались лишь самые задние ряды, где разместилась хмурая армянская пара. Их нерадостный вид резко контрастировал с общей эйфорией в зале.

Эдуард и Виолетта, сидевшие молча в полном одиночестве, похоже, ждали, что Борис обратит на них внимание. Борис снова подумал о том, как удачно он познакомился с Овсепянами в ресторане «Ковчег» на Петроградке и сумел продать им две квартиры в доме. Наконец их взгляды встретились, и Овсепян стал показывать знаками, что нужно переговорить. Борис так же знаками показал, что до начала собрания осталось всего пять минут, но всё-таки решил подойти и узнать, не случилось ли чего у них. «Может, передумали покупать?» – переживал Кузнецов, двигаясь по центральному проходу.

Каждый норовил его остановить, подержать за рукав и, заглядывая в глаза, переспросить, неужели правда дом построят. Борис не хотел раньше времени выдавать все секреты, но по его растянувшейся от уха до уха улыбке всё было ясно и так.

– Ну, а я что тебе говорил? – обращался лысый толстяк к своей не менее упитанной жене. – Борька во такой мужик, раз сказал – значит, сделает!

– Дай-то бог! – никого не стесняясь, крестилась жена. – Дай-то бог!

– Борис Сергеевич, неужели дождались? – Кузнецов почувствовал, как к нему прикоснулась ещё чья-то рука.

– Не спешите, всё узнаете, всё расскажу, скоро уже начинаем, – отвечал он, пробираясь сквозь возбуждённую толпу.

– А обои будут? А какие? А можно выбрать? – поинтересовалась женщина, фамилию которой Борис никак не мог вспомнить. – А то говорят, что дом сдают, а жить в нём нельзя: ни обоев, ни линолеума, ни сантехники!

– Ну ты, Гаврилова, как была дурой, так дурой и осталась! Всю жизнь мучился с тобой в коммуналке, и вот опять будем соседями по дому! – выдал реплику высокий худощавый мужчина со сморщенным лицом интеллигентного выпивохи.

– Вот-вот, – поддержал его сосед с таким же характерным для сухого закона лицом и клочущей хрипотцой в голосе, – им палец в рот не клади! Только вчера все сидели в полной жопе в своих коммуналках, а теперь, видите ли, им обоим не нравятся! Да я завтра со своим старым унитазом перееду, только дайте ключи!

– Петь, а Петь, ты случайно не знаешь, в каком подъезде эти два алконавта получают квартиры? – испуганно шептала чья-то жена, наклонившись к уху своего соседа. – Хоть бы не в нашем.

– Это ты себе мужа или свекровь будешь выбирать, а соседа... как бог пошлёт. Поняла, мать? – услышав реплику про алконавтов, обернулся один из них.

– Не ссы – в лифте чисто будет, мы что, не из культурной, блин, столицы, не понимаем, что ли! – присоединился к нему приятель. – Ну, если только форс-мажор не припрёт, но тут уж извиняйте – не донёс, так не донёс!

– Неужели и лифт сделают? – послышался чей-то голос с середины ряда.

– А как же! А собачкам нашим где прикажете? – хитро подмигнув, хором ответили алконавты.

– Ой, у них ещё и собаки будут жить! – совсем расстроилась их соседка. – А они большие у вас?

– Понял, Михалыч, сразу перешли на «вы», а то алкаши-алкаши! – Сморщенный тип толкнул в бок другого борца с сухим законом. – У меня дог, а у него алабай!

И оба сморчка-выпивохи заржали, довольные собой.

«Здорово, что Серёга с Пашей предложили проспонсировать местный буфет. Бесплатное пиво, чай и бутерброды создали атмосферу праздника», – думал Борис, подходя к Овсепянам.

– Эдуард, у вас что-то срочное? А то уже пора начинать собрание, – спросил, предчувствуя неприятный сюрприз, Кузнецов.

– Ничего особенного, Борис Сергеевич, – ответил Овсепян. – Мы с Виолеттой хотели бы пригласить вас к себе в ресторан отметить событие, если, конечно, всё пройдет хорошо. Хотел предупредить заранее, чтобы вы никуда не уходили.

У Бориса отлегло.

– Спасибо за приглашение, но я не один здесь, с женой Татьяной и моей мамой. Кроме того, мы собирались после посидеть в семейном кругу с детьми.

– Так это здорово – приходите все вместе, и обязательно с детьми! – встрепенулась от последнего слова Виолетта, которая до сих пор оставалась безучастной к разговору мужа с председателем кооператива и ко всему тому, что происходило в зале.

Отказаться от приглашения Кузнецов, мягкий и податливый по натуре, не смог. Он вернулся в президиум, встал за трибуну, постучал пальцем по микрофону и откашлялся, готовясь начать речь. Кто-то не выдержал напряжения и захлопал в ладоши. Зал разразился шквалом аплодисментов.

«Похоже, что наш план будет утверждён, никому не известных инвесторов примут в члены кооператива, и никому в голову не придёт спросить, нуждаются ли они в улучшении жилищных условий», – в радостном предвкушении успеха думал Борис, ожидая, когда стихнут неожиданные овации.

Это был звёздный час председателя правления, подарившего долгожданную надежду паре сотен семей и ещё стольким же, совершенно отчаявшимся с ними наконец-таки разъехаться. Его предложение было незамысловатым. В стране полная задница, в городе – не лучше. Председатель финансового комитета на личном приёме обещал не мешать строительству дома, если пайщики сами найдут сторонних инвесторов.

– Таким образом, – развивал свою мысль Борис, – есть два варианта. Первый: объявить сбор дополнительных средств среди членов кооператива. Нужно собрать примерно пятьдесят миллионов рублей, или почти по полмиллиона с каждого...

– Уу-уу-уу! – загудел переполненный зал.

– Где нам взять такие деньжищи?!

– Зарплату не платят третий месяц!

– Ин-на... – (В женском имени Боря узнал знаменитый русский глагол.) – Давай второй вариант!

– Альтернатива: не платить ничего, но принять в члены кооператива инвесторов, которые готовы купить квартиры в нашем доме по рыночной стоимости.

– Какие такие квартиры?

– В доме нет свободных! Кого выселять будем?

– Спокойно, товарищи пайщики, никого выселять не будем. Правление заключило с нашим СМУ договор на перепроектирование дома и достройку шестиэтажной секции до десяти этажей. Получится ещё тридцать две новые квартиры. Продав их инвесторам по рыночной стоимости, мы получим средства на достройку дома и погашение задолженности перед членами правления. Товарищи! Вы уже три года не платите нам зарплату! А это не три месяца! – председатель уверенно вёл собрание по намеченному сценарию.

Никаких ангажированных активистов или групп поддержки правлению не требовалось. Сама жизнь в девяностые и последняя надежда разъехаться с расплотившимися родственниками уже подготовили благоприятную почву для голосования по приёму новых богатых членов кооператива. Жилищная комиссия Ленгорисполкома к тому моменту почил в бозе, и теперь не нужно было никому доказывать потребность в отдельном жилье и стоять в неподвижной очереди на улучшение. Достаточно было предъявить наличные. Так этот конкретный жилищно-строительный кооператив ощутил на себе дыхание нового времени.

«Неплохо было бы понять...» – В голове Бориса вертелась мысль о сроке строительства.

– Так когда, ё-моё?..

– Да-да, когда, ёшкин кот?..

Аудитория тоже уловила самый главный момент, после того как был найден способ достроить дом.

«Хорошо, что ограничились пивом. А то Паша собирался водку выставить с утра в буфете!» – думал Борис, слушая нецензурные реплики с мест.

– Чего когда? – очнулся и переспросил он.

– Когда дом построим?

– Через год, если сегодня примем в кооператив новых членов. Правление уже заключило договор со СМУ на проектирование. Есть смета нового строительства, готово заключение ревизионной комиссии, – докладывал председатель.

– Да уж! Как-то слишком всё хорошо! – засомневался тип в первом ряду с недовольным выражением на лице. – Пусть кто-нибудь из инвесторов выступит перед нами с программой. Развернёт её перед нами во всей красе!

К такому повороту событий Кузнецов и его компаньоны, зная, что в любом советском коллективе найдётся злая совесть, были готовы.

Сначала вышел рыжий Паша и, монументально возвышаясь с трибуны, выступил как генеральный директор ООО «Квентика», пообещав выкупить не менее десяти квартир и спонсировать буфеты для всех последующих до новоселья собраний.

– Вот это да!

– Даёшь «Квентика»!

– Ура, бляха-муха! Я за вас и вашу маму!

– Ты, чёрт лысый, чью маму имеешь в виду?! – ткнула в бок хмельного мужика тётка во втором ряду под громкий хохот соседей.

– А мать она или твоя, или ё... – не успел договорить неприличное слово лохматый остряк в третьем ряду, но это уже было не нужно, так смысл фразы моментально дошёл до всех, и никто автора шутки не осуждал – все ржали как табун лошадей.

– Товарищи, давайте покультурнее, я, конечно, понимаю, радость и всё такое, но в зале есть дети! Слово предоставляется частному инвестору товарищу Грановскому. – Борис торопился объявить следующего кандидата, пока толпа подданных и развеселившихся кооператоров окончательно не превратила собрание в пьяный балаган.

– У меня возможности скромные. Но я хотел бы напомнить, что старые члены кооператива, у которых квартиры на последнем этаже, могут при желании поменять их на более низкий этаж. Я же, как и все остальные частники, согласен купить трёхкомнатную квартиру на десятом этаже. И если меня сегодня примут в члены вашего кооператива, я торжественно обязуюсь не стучать по ночам по батареям и не заливать соседей внизу! – так Серёга остроумно подкупил нетрезвую, более восприимчивую к юмору часть собравшихся.

– Наш человек!

– Даёшь его к нам!

– Ему тоже бесплатного пива!

– Следующий инвестор... – начал было Борис.

– Да пошли они н-н-на...

– Сколько их там у тебя?

– Мы так целый день здесь просидим!

– Вот-вот, слушай эти долбанные доклады!

– Точно! Уже водки выпить хочется!

– Покороче давай!

– То есть? – опешил председатель.

– То есть голосуем полным списком, и пусть сразу канают в кассу с бабками!

– Даёшь новоселье!

– Ура! Прощай, любимая тёща! – полез обниматься к своей жене мужичок во втором ряду.

– Не радуйся, сучий сын, я к тебе каждое воскресенье приезжать буду! – обрадовала того бабка сзади, ткнув в спину.

– Так что, голосуем списком? – пытался перекрычать толпу председатель.

– Принято единогласно!

* * *

– Женя, слышал, что у жилищного комитета полномочия по регистрации уставов ЖСК отобрали? Говорят, что создали новую регистрационную палату при мэрии, которая теперь регистрирует новые юридические лица, – делился последними новостями Борис.

Паша с Сергеем напряглись, так как любая новость в те дни, как правило, ничего хорошего не сулила, а сейчас они ещё впряглись в стройку собственными деньгами и привлекли других людей, перед которыми можно было конкретно ответить, если что. Таких новостей из разряда «ответишь, если что» приходило по нескольку в день. Все привыкли к высокому уровню адреналина, но всё равно было стрёмно.

– Конечно слышал. Всё будет полная хуйня! – отвечал отцу Евгений. – Мы в своей конторе уже наладили нужные связи и нашли подходы. У одного моего друга, который тоже вступил в наш ЖСК, жена теперь там работает. Комитет по внешним связям больше не регистрирует совместные предприятия, и всех юристов оттуда перевели в регистрационную палату.

– Смотри, Женя, как бы твоя финская хуйня не превратилась в нашу русскую... фигию! – сязвил Паша.

– А что с правами на квартиры? Как мы будем их регистрировать и передавать инвесторам? – спросил Сергей, подливая себе горячий чай.

– Буду захаживать в жилищный комитет для поддержания отношений, но они останутся в теме ненадолго. Пока дом строится, всё ещё десять раз поменяется. Для нас чем больше путаницы и чехарды с компетенциями органов власти, тем спокойнее. Чем дальше мы от жилищного комитета с его очередью нуждающихся, тем лучше. Вот устав ЖСК мы уже регистрируем не у них, а в регпалате, и никаких проблем с новым списком пайщиков. Приняли на общем собрании – и ол райт! Пока пусть инвесторы формально оплатят паи по советским официальным ставкам, чтобы всё было чисто и по старым правилам, а по новым мы что-нибудь придумаем.

– А «формально» – это сколько будет? – переполошился Паша.

– Да фигня вопрос. Тысяча за однокомнатную, две – за двухкомнатную и три тыщи за трёшку, – успокоил всех Борис.

– А слышали, что Стрельчук сказал о едином городском реестре недвижимости?

– Конечно. У меня однокурсник устроился в юридический комитет и рассказывал, что хотят создать контору специально для ведения этого реестра и регистрации прав на недвижимость. Так что скоро жилищный комитет точно никому не будет нужен. Тамошние юристы уже включили свои связи, чтобы перейти на хлебное место. Эти нюхом чуют, когда и куда потекут взятки.

– Окей, понятно. Сидим и ждём. Главное – дом достроить.

– И все документы на него оформить.

– Проект утверждён, изменения в устав ЖСК официально зарегистрированы, госприёмку начальник СМУ гарантирует, с БТИ договоримся. Да всё будет ништяк!

В номере 8—404 отеля «Москва» шло обычное вечернее совещание, на котором компаньоны ООО «Квентика» подводили итоги прошедшего дня и намечали план дальнейших действий. Работы было много. С французами по цене быстро договорились, контракт с Марселем успешно подписали, аванс в валюте получили. Оставалось подготовить техническую документацию, изготовить пробную партию поросячьих клеток и запустить производство. За это отвечал Борис.

Сергей Грановский с Евгением продолжали поддерживать отношения с заказчиками и время от времени мотались во Францию, встречаясь с ними то в Марселе, то в Париже и обсуждая контрактные дела. И вот теперь французы вознамерились приехать в Санкт-Петербург – познакомиться со своими деловыми партнёрами и проинспектировать производство на месте. С этими новостями Сергей вернулся из последней заграничной поездки.

С торжественной встречей проблем не было никаких: в банкетах самых различных форматов и бюджетов компаньоны здорово поднаторели. А вот с инспекцией вырисовывалась конкретная проблема. Французы до сих пор понятия не имели, где именно будут производиться клетки.

– Дерьмо полное! – выругался Серёга. – Как я им скажу, что клетки выпускаются зэками в тюрьме?

– А что если они сами захотят посмотреть на производство? Смотри-ка, они очень обеспокоены качеством! – Борис протянул Паше факс, на котором рукой Грановского был сделан подстрочный перевод с французского.

И тут Евгению пришла в голову гениальная идея, как объяснить иностранным партнёрам, почему производство находится в тюрьме.

– А давайте скажем им, что наша «Квентика» участвует в специальном гуманитарно-социальном эксперименте по интеграции преступников в общество ещё на стадии отбывания наказания. Да и не преступники они никакие, а так, несчастные водилы и мелкие хулиганы. Про сто вторую и сто семнадцатую им говорить не надо. За границей это популярная тема. Французам понравится, а проверить они не смогут. Ещё скажем, что ООО перечисляет деньги тюрьме, а та начисляет заключённым зарплату, которую они получают, когда выйдут на свободу.

– И это чистая правда! Можно даже договор с ИТУ-16 представить, – обрадовался Паша.

– Но и производство как-то надо показать, – покачал головой Серёга. – Придётся тебе, Шильман, выпить с начальником тюрьмы конкретно! Нужно обязательно добиться, чтобы французов пустили на зону.

– Да уж, привезут они впечатлений из России! Никакой икры с водкой и матрёшек не нужно, – протянул Борис. – Приехали в культурную, блин, столицу! Эрмитаж? Русский музей? Петродворец? Уи-уи, твой дом – тюрьма! Я на их месте охренел бы от такой программы!

– Пить с начальником придётся полюбасу. – Паша с тоской смотрел на бутылку дагестанского коньяка. – А прямо сейчас мы и начнём тренировку печени! Если что, вы за своё бабло будете лечить мой цирроз, и не в местном ЛТП, а во Франции.

– Что доказывает фуа-гра? – шутливо поинтересовался знаток Франции Грановский. – А то, что с циррозом печени можно жить долго и вкусно, если не давать кормить себя с руки!

– Договорились!

И пошёл коньячок по привычному кругу. Поздняя планёрка перешла в традиционную для ООО «Квентика» фазу дижестива. Кстати, очень важную! После пары рюмок забористого напитка, только по полному недоразумению и иронии судьбы названного коньяком, постперестроечный стресс отступал, мозги кратковременно просветлялись и в них иногда заходили блестящие идеи, как, например, вот эта.

– А что если начальника использовать втёмную? – первым подал признаки просветления Евгений.

– Это как? – удивлённо вскинул рыжие и густые, как у Брежнева, брови Шильман.

– Ну, типа сказать, что приехала делегация международной организации «Амнести Интернешнл», которая хочет удостовериться, что французская компания и вправду помогает вместе с её русскими партнёрами в решении важной гуманитарной задачи! – не сдерживал свой поток сознания Женька.

– Ну да, освободим Россию от криминала! Даёшь небандитский Петербург! – съязвил Борис.

– На свободу с чистой совестью и честно заработанной валютой! – сострил Сергей.

– А вообще, в этом что-то есть, но выпить с Петровичем всё равно надо всем и много! – Паша уже крутил диск телефона, набирая номер начальника ИТУ-16. – Он сегодня, кажется, дежурит... Алло, Петрович, салют! Как сам? Всё нормалёк? Как там наши сидельцы? Профсоюз ещё не создали? А то смотри, мы в Кресты переедем, они поближе. Дело есть, перетереть бы. В субботу можешь? – Шильман глянул на приятелей, которые пожали плечами типа «шабат так шабат». – Окей, тогда начнём, как всегда, в нашей баньке. Ну да, там, на Дегтярной, в два часа нормально? Всё будет по высшему разряду! Майор, не переживай. О чём говорить будем? Не по телефону, но тебе понравится! Всё, беги шмонай и давай отбой в своём трёхзвёздочном отеле! Не-не, никаких завтра, баня и ресторан в субботу! Всё, шабат!

* * *

Эдуард проснулся в холодном поту, с бешено колотящимся где-то в горле сердцем. Прошёл почти год, как они бежали из Баку в Краснодар, откуда перебрались в Ленинград, а отголоски пережитой тогда трагедии по-прежнему преследовали его ночными кошмарами.

Виолетта спала на левом боку, отвернувшись от него, словно чужая. «А мы ведь действительно стали чужими друг другу», – подумал Эдуард, тщетно пытаясь вспомнить, когда они с Виолеттой были близки в последний раз. И вынужден был признать самому себе, что недостаток интимной близости ему восполняли проститутки из подпольного борделя, который крышевало его РУВД. Виолетте почему-то было всё безразлично.

Стараясь не шуметь, он осторожно вышел на кухню покурить и успокоиться. Нервно затягиваясь сигаретой, прокручивал в памяти детали сна, переживая, отступят ли когда-нибудь, наконец, кошмары, не грозит ли ему серьёзная психологическая проблема и не пора ли откровенно поговорить с женой. Как-никак она ведь психиатр. А тем временем в мозгу вспыхивали чёрно-белые кадры сна, и утешало его только то, что он вовремя проснулся и не увидел пронзительного взгляда мёртвых глаз своего сына и его катящейся головы.

Виолетта проснулась, словно от резкого толчка внутри. Огляделась. Мужа рядом не было.

– Что с тобой? Тебя кошмары не мучают? – допытывалась жена, найдя его на кухне с дрожащей в руках сигаретой.

– Ерунда! На работе проблемы, вот и не спится! Покурю и успокоюсь!

– Может быть, расскажешь мне? Я же всё-таки тебе...

– Жена? – усмехнулся Эдуард и посмотрел на Виолетту равнодушным взглядом.

Виолетта глядела на него с таким же безразличием, совершенно не видя в нём мужчину, которого она когда-то любила и от которого родила двух сыновей. При мысли об убитых детях ей стало нехорошо. Она зажмурилась и с усилием начала массировать виски. Постепенно головокружение прошло.

– Не начинай, Эдуард, – уже спокойно, но всё ещё глухим голосом произнесла Виолетта, – ты же знаешь, что я не хочу близости с тобой не потому, что... – она замолчала на секунду, подбирая слово, – ...не люблю тебя, а потому что мне больно осознавать, что я больше не могу

иметь детей. А одновременно ощущать в себе твою горячую плоть и понимать, что нам невозможно родить новых детей, это сводит меня с ума. Мне легче забыть тебя как мужчину.

– И ты поэтому прилипла к Кузнецовым?

– А что, это так заметно? – насторожилась Виолетта.

– Им – не знаю, а я вижу, как ты к их младшему тянешься. И уроки музыки, и развитие личности, и что там ещё? Что ты задумала, а?

Виолетта медлила с ответом, тщательно обдумывая свои слова.

– Татьяна наивная простушка, – начала она. – И муж у неё такой же простак, только вдобавок любит выпить и похрипеть под гитару, думая, что он Высоцкий. Не видит, что у жены повышенное либидо, которое нужно удовлетворять не песнями собственного сочинения. Придёт момент, и я Борисом займусь тоже. А тебе можно к Татьяне присмотреться. Она очень даже недурна. Может быть, грудь маленькая – не как тебе нравится, но зато вся она как девочка-школьница.

– Вообще-то я про Мишу тебя спрашивал. Кстати, а почему бы тебе к старшему сыну, Евгению, тогда не присмотреться? – Эдуард внимательно следил за реакцией жены.

– Евгений слишком взрослый, – неожиданно ответила Виолетта. – А вот Миша, – тут её голос потеплел, – другое дело. Знаешь, как он на меня смотрит? Видел бы ты, как вздрагивает, когда я к нему прикасаюсь во время игры на пианино! Мальчик начинает взрослеть, ещё не совсем осознанно обращает внимание на женские прелести, но уже реагирует на них. Самое время его...

– Увести? – не дал ей закончить Эдуард.

– Никто не посмеет мне помешать, понял?! – вдруг сорвалась на истеричный крик Виолетта.

Эдуарда ошеломила такой внезапный переход от спокойного рассуждения психиатра к нервной реакции возбуждённой женщины. Не имея давно с ней близости, он стал забывать, какой экзальтированной она может быть. А сейчас в её глазах горел совершенно сумасшедший огонь одержимости идеей фикс.

– Спокойно, дорогая, – тихо прошептал Эдуард. – Хочешь забрать к нам Мишу – конечно, забирай. Я буду только рад мальчику.

Виолетта успокоилась так же внезапно, как и завелась. Ушла в себя, улыбаясь каким-то своим мыслям и совершенно не замечая сидевшего перед ней мужа. Потом словно очнулась из забытья и сказала ему, что идёт спать.

Эдуард закрыл за Виолеттой дверь кухни. Постоял некоторое время, прислушиваясь, не вернётся ли она, и снова сел за стол. Он был ошарашен планами Виолетты увести из чужой семьи ребёнка. Похоже, она уже далеко зашла, хотя бы в своих мыслях, и мешать ей в таких обстоятельствах означало бы спровоцировать очень глубокий психический срыв.

«Ничего себе психотерапия! Я тут анализирую по ночам свои кошмары: сон был цветной или чёрно-белый? Машина стояла в луже, и та была красной от крови, или это был свет фар? И жду, когда из-за машины выкатится голова Ашотика и уставится на меня своим немигающим взглядом. У Виолетты-то проблемы посложнее моих будут! Интересно, что ей снится?» – размышлял Эдуард, понимая, что кошмары ему, скорее всего, не изжить, а реализация плана жены приведёт к настоящей войне с Кузнецовым.

«Если только он к тому моменту не сопьётся или Виолетта не подсадит его на какой-нибудь препарат. Смотри-ка, даже Татьяной мне предложила заняться. Что ещё можно получить? Может быть, подбросить Виолетте идею отнять у них квартиру на Невском? Это было бы неплохо! Устроить Кузнецовым развод и попробовать выманить недвижимость. Со способностями Виолетты они, возможно, сами всё отдадут – никто не подкопается!» – размечтался успокоившийся Овсепян.

Тут он о чём-то вспомнил. Подошёл к раковине, наклонился и вынул из стены кафельную плитку. Засунув руку куда-то в глубину, достал тряпичный свёрток. Долго не решался его развернуть, но в конце концов желание увидеть рубин взяло верх. Эдуард размотал ткань и, взяв в руки кривой кинжал, стал поворачивать клинок в свете лампы, любуясь бликами на клинке. Какая-то надпись арабской вязью чётко проступала на лезвии. Вновь, как и тогда в поезде, что-то ощутимо ткнулось в ладонь и несколько мгновений пульсировало. Создавалось впечатление, что нож живой. Эдуард, дрожа, замотал кинжал в тряпку и убрал обратно в тайник.

«Дьявольщина какая-то!» – передёрнуло Овсеяна.

Глава 8. Из бани с чистой совестью в... тюрьму

– Ну вы, блин, даёте! Совсем охренели, что ли! Какие, ать-два, французы! Это же зона! Тюрь-ма, па-ни-ма-ете, ет-тит-ская сила?

– Не кипятись, Петрович! – подлил ему водки в стакан Паша Шильман. – Ты же всех нас знаешь много лет!

В закрытом кабинете бани на Дегтярной шло чрезвычайно важное заседание, можно даже сказать, судьбоносное собрание учредителей ООО «Квентика», от которого зависела судьба выгодного контракта и будущее процветание компаньонов. А то и сама их жизнь, так как под завершение строительства дома ЖСК-1331 они взяли на себя достаточно обязательств, чтобы «если что» ответить по полной. И поэтому сейчас они не жалели ни средств, ни красноречия, уговаривая начальника ИТУ-16 организовать визит иностранцев в колонию.

– Подумаешь, на часок забежала на зону пара французов! – вставил Серёга Грановский.

– Давай, Петрович, мы их запишем под делегацию Красного Креста или «Амнести Интернешнл»? Всё типа официально, а? – попробовал пропихнуть свою гениальную идею Евгений.

– Какая... международная... амнистия?.. – зажевал пару крепких словечек Петрович. – Вы чё, с ума все посходили? Мои сидельцы, если узнают о какой-то амнистии, такой бунт устроят, мама не горюй! А они, как два пальца обоссать, узнают – тюремный телеграф ещё ни разу не ломался. Не, на такую авантюру я пойти не могу.

– Петрович, блин, ты не понимаешь! Если французы своими глазами не увидят, где выпускают их долбаные клетки, они аннулируют контракт, и тогда твоей зоне точно придёт полный треньдец! Зэки от безделья и без денег разнесут её в щепки! Ты этого хочешь?

– Постойте, мужики, я ваще не отказываюсь от сотрудничества, но поймите, никаких делегаций пускать нельзя. Любой наш журналист месяцами ждёт разрешения УИН и КГБ, чтобы к нам прийти и написать заметку про тюремный быт. А вы целую французскую делегацию с провокацией хотите провести. «Амнести», видите ли, «Интернешнл»!.. Разбираться в том, что ваша амнистия международная, никто не будет. Мало никому не покажется!

– А если сделаем вид, что они пришли к кому-нибудь на свидание, да и пустим их в цеха, а?

– Вы совсем оборзели! У меня матерных слов уже на вас нет!

– Но мы-то ходим к тебе...

– Ну дык ваша «Квентика» официально оформлена в журнале учёта пропускного режима. Есть разрешение управления по исправительным наказаниям с визой Литейного, 4. Всё по закону. Забыли, сколько сами мучились, получая пропуска?

– Петрович, придумай что-нибудь! Пипец как нужно!

– Придумай. Легко сказать «придумай». Пойду полежу на полочке, попарюсь. Один пойду. Думать буду.

Дверь в парилку захлопнулась за голым начальником ИТУ-16, выпустив густой влажный пар. Четвёрка авантюристов, завёрнутых в белые простыни, осталась сидеть за столом в предбаннике. Они напоминали римских сенаторов, озабоченных поиском решения важной государственной проблемы. Прошло несколько минут. Дверь парилки наконец открылась, и из дымящегося облака вывалился Петрович, довольно ухмыляясь и почёсывая между ног. Все инстинктивно подались вперёд.

– Наливайте, блин, чё встали, как болваны на острове Пасхи! – уже не в первый раз удивил своей эрудицией начальник зоны. – Есть одна идейка!

– Ну, Петрович, выкладывай, да не томи!

Но тот нарочно держал мхатовскую паузу, не спеша, словно отсчитывая капли, наливал водку в стакан и искал, чем бы закусить. Его глаза перебегали от колбаски твёрдого копчения к маринованным огурчикам, с них – на свежие бакинские помидоры с Некрасовского рынка с брошенной на них горькой зеленью, потом на салат оливье и пельмени, не зная, на чём же остановиться. «А может, икорочки? Но какой? Красной или чёрной?» – мучительно, сглатывая сладкие слюны, выбирал Петрович. Водка с горькой не бывает – для этого есть икра.

– Ну, давай пей и закусывай быстрее! Задолбал уже своим театром! – в нетерпении ёрзали голыми задницами по лавке компаньоны.

– В здоровом теле здоровый дух, в голодном теле голодный дух, а в трезвом какой? Правильно – злой!

– Что придумал-то?!

– Французы пройдут вместе с вами по списку «Квентики» как ремонтная бригада. Типа плановый осмотр оборудования перед запуском новой продукции, а? – произнёс Петрович и хлопнул водки, так и не решив, чем закусить.

– Го-ло-ва!

– В пьяной голове мысли всегда трезвые.

– Ну, Капица!

– Ша! Я не всё сказал! – не грозно, чисто для вида, прикрикнул на них начальник, наливая себе ещё водки. – Так, ять, всем стоять! Чем же закусить? Навалили всего так много, аж крыша едет! А страна-то голодает!

«Ну всё, теперь пока он не напьётся и не наестся, мы от него ничего больше не узнаем!» – подумал Сергей.

Петрович тем временем продолжал мучиться с выбором закуски, не забывая, правда, при этом выпивать. Поблуждав по стенам и завёрнутым в простыни фигурам, его взгляд остановился на... Паше.

– Ксюха когда будет?

«Так и знал! Похоже, мы с ним макаем свои карандаши в одну чернильницу! Нужно Ксюху менять», – с досадой подумал Шильман.

– Петрович, для тебя хоть Ксюха, хоть Мэрилин Монро! Она с подружками парится в соседнем номере. В любой момент позвать можно, но давай сначала дело закончим! Мозг уже вскипел!

– Короче, ваши французы должны быть немыми. Чтобы никаких мне там «мерси», «жувуи-пардон» и прочей хрени! Понятно? Ходят по цеху с молотками и разводными ключами, но пальчики свои никуда не суют. Ты им, Серёга, по-русски всё объясняешь. Типа ремонт обсуждаете. А лучше вообще – прошли все молча, посмотрели мастерские и съехали побыстрее от греха подальше! Всё ясно? Ну давай, зови Ксюху и её кордебалет, а то я давно в Маринке не был.

И понеслась доска по Енисею в бесшабашной пляске по волнам.

– Вот, Паша, каким был шабат, по рассказам очевидцев, до того как Моисей спустился с Синайской горы и объявил, что не договорился по седьмой заповеди, – острил пьяный Петрович. – А так четвёртая заповедь потеряла всякий смысл. Легко сказать, любите субботу! А как её любить такую, да?

Два друга-еврея в очередной раз поразились энциклопедическим знаниям, которых Петрович набрался от своих сидельцев, явно с разносторонними интересами. Да и вообще, его восприимчивость к новому тоже удивляла.

Петрович пригладил усы и снял войлочную шляпу, под которой оказалась блестящая каплями пота лысина. Вытерев её полотенцем, он опрокинул очередную стопку и уставился довольным масляным взглядом на дверь в предвкушении.

* * *

Потолок кружился, не останавливаясь, то по часовой стрелке, то против. Жан-Пьер без сил лежал в кровати на спине и тщетно пытался сфокусировать взгляд хоть на чём-нибудь, но люстра никак не желала оставаться на месте, а в какой-то момент очень даже достоверно сорвалась с потолка и понеслась, почему-то в полёте рассыпаясь на тысячу мелких осколков, прямо ему на голову.

Француз инстинктивно зажмурился и вжался в подушку в ожидании прямого попадания, но удара не последовало. Он приоткрыл глаза – люстра теперь не кружилась, а колыхалась из стороны в сторону. Жан-Пьер, охнув от внезапно пронзившей его виски боли, окончательно проснулся и попытался перевести взгляд на дальнюю стенку, на телевизор, который, покачиваясь и грозя упасть на пол, уплывал куда-то в пьяном тумане, заполнившем тёмный номер гостиницы «Москва».

«Нужно включить свет! Тогда всё встанет на свои места, – тяжело размышлял Жан-Пьер. – Merde, всё равно телек качается! – досадовал он, вынужденный ухватиться обеими руками за косяк рядом с выключателем. – А, это меня штормит!» – наконец дошло до него.

Его волосатые и немного кривые ноги с выступающими острыми коленями предательски подгибались, отказываясь держать тело. Ещё раз охнув, Жан-Пьер медленно сполз по стене и уселся на пол. Жёсткий ковролин покалывал задницу и не давал расслабиться.

Дзинь-динь! Дзи-и-и-нь! Ди-и-и-нь!!!

«Проклятье! Как же раскалывается голова!»

Дзинь-динь! Дзи-и-и-нь! Ди-и-и-нь!!!

«Нужно добраться до мини-бара и выпить чего-нибудь холодненького, пока мозг не вытек из головы окончательно!»

Дзинь-динь! Дзи-и-и-нь! Ди-и-и-нь!!!

«Дева Мария, за что такие мучения! Моя бедная башка!.. Я идиот! Это ж звонит телефон!»

Дзинь-динь! Дзи-и-и-нь! Ди-и-и-нь!!!

– Уи, Жан-Пьер! Ты чего трубку не берёшь?

– Я думал, что это у меня звенит в голове!

– Ты так вчера нажрался!

– Догадываюсь. А ты нет?

– В общем да. Ты помнишь, куда мы сегодня едем?

– Очень смутно. Серж что-то говорил про какую-то гуманитарную программу поддержки и социализации заключённых, но я к тому моменту уже плохо соображал. Да и сейчас не лучше. Мне надо добраться до душа, а потом до мини-бара или лучше наоборот, но у меня нет сил – я сижу пьяный и голый на ковролине, и в моей бедной заднице, кажется, тысяча заноз!

– Нам тоже не лучше, но Симон в душе, и, кажется, он может уже стоять без посторонней помощи. Давай бери себя в руки, иначе второго шанса побывать в настоящей русской тюрьме у нас не будет!

– Какая, Рено, тюрьма? Ты о чём?

– Ну ты и напился! Не помнишь ничего? Я же тебе говорю: у наших русских партнёров заключённые работают по программе реабилитации. Их производственный цех находится в исправительном учреждении, и мы туда едем через час. Давай-давай, быстро-быстро!

Жан-Пьер дополз на карачках до мини-бара и с наслаждением высосал, не останавливаясь, две банки пива. Холодные пенистые глотки бодрили организм, посылая в мозг ложные сигналы наступающего временного вытрезвления. Тем не менее взгляд уже мог фокусироваться (фиксировал про себя позитивные изменения Жан-Пьер), и предметы в комнате, кажется, успокоились и встали на свои места.

«Теперь можно и мне встать под душ!» – И хмельной француз подставил свою раскаляющуюся на мелкие части голову под ледяные струи, радостно замечая, что может стоять ровно, не качаясь.

Глава 9. Французское амбрэ в ИТУ-16

- Ну и где, Серёга, твои французы?
- Кажется, Паша, ты вчера переборщил с водкой. По бутылке красного на брата, не считая пива и аперитива в баре, плюс они прилетели нетрезвыми, так ты им ещё водки под пельмени заказал!
- И Жан-Пьер пошёл потом со мной в наш офис, и я угостил его дагестанским коньяком!
- Боже мой! Сколько же можно выпить?
- Много, очень много, а с чего бы Иисус из Назарета превратил воду в вино, если бы оно того не стоило?
- Я поднимусь к нему в номер, посмотрю.
- Да не нужно. Катя отвела его, всё с ним нормально... наверное.
- Ты и девок зазвал? Точно нужно его проверить!
- Потом, Серёга! Сейчас нам надо проиграть ещё раз сценарий. Русские паспорта я взял у нашей бригады контроля качества, так что с этим всё в порядке. Скажешь французам, чтобы из микроавтобуса не высовывались! Я сам отнесу документы на проходную и распишусь за всех. Ты сиди с ними на всякий случай! За рулём Боря. Кажется, так.
- А как мы их заставим молчать столько времени? Французы всё-таки! Ей-богу, что-нибудь сболтнут по пьяни!
- Вот! – Паша достал из сумки пачку ватно-марлевых повязок. – Купил здесь в аптечном киоске. Скажем, что по правилам все должны надеть повязки, во избежание заражения какой-нибудь инфекцией!
- Точно, и не поболтаешь особо! Здорово придумал! Ну, где же наши партнёры зарубежные? Боюсь, не выползут они сами из номеров, ой не выползут!
- Серж! Серж! Ми тут! Ми немножко пьяные, но идти можем!
- О, Поль, ты монстр! Наш Жан-Пьер должен был запомнить на всю жизнь первую поездку в Россию, но он, чёрт возьми, ничего не помнит!
- Не протрезвевшая до конца французская троица, галдя, спускалась по ступенькам лестницы в холл гостиницы.
- Поль, ты должен всё ему рассказать! – Рено, жарко и душно дыша перегаром, обнимался с русскими друзьями.
- Жан-Пьер отстранённо озирался по сторонам в поисках чашки кофе.
- Мы правда поедem в тюрьму? – вместе с ужасным выхлопом выдал из себя Симон.
- Тс-с-с! Тише вы, идиоты! Что вы так орёте! – командовал Рено, который явно пребывал в отличном расположении духа и чувствовал себя лучше остальных.
- Вам там придётся помолчать! – начал инструктаж Сергей. – Во-первых, это тюрьма, и лучше не отвлекать заключённых от работы. Во-вторых, вот вам повязки, чтобы не подцепили какой-нибудь вирус!
- Да уж, с ними не поболтаешь! А презервативы выдавать тоже будут? – типично по-французски юморил Рено.
- Тюрьма мужская.
- А для Рено это не помеха! – вернулся к жизни Симон.

* * *

– Привет, Петрович! Мы заехали на КПП. Нет, сидят в машине. Документы со мной, я у дежурного. Хорошо, жду!

– Сейчас начальник придёт и оформит нашу бригаду, – обращался к дежурному офицеру Паша. – Сказал, чтобы сидели пока в машине и не толпились на проходной.

Старший лейтенант, не поднимая головы, убрал со стола журнал учёта посещений и снова уткнулся в «Спорт-экспресс». За многие годы он привык к визитам этого бизнесмена, которого уважал не только сам начальник ИТУ, но и местный смотрящий – авторитет по кличке Битюг – за постоянную халтуру для сидящего народца и разные весточки с воли. Поэтому офицер даже не думал подниматься из-за своего стола, чтобы осмотреть микроавтобус.

А зря. Потому что в это время там... В это время Сергей уже помогал французам натягивать на физиономии марлевые маски.

– Не рано? – сомневался Борис, сидевший за рулём пассажирской «Газели».

– Лучше сейчас, а то начнут болтать ненароком! – осторожничал Серёга.

– Давай-давай! Бистро-бистро! – напирал он на иностранцев.

Но французы и не думали сопротивляться: они ещё не до конца отошли от вчерашнего, да и болтанка в старой «газели» их порядком укачала, поэтому они покорно и, главное, молча надели повязки и уставились мутными глазами в окно, за которым проходила граница между свободой и несвободой.

Дверь в салон резко распахнулась, и в него залез возбуждённый Паша.

– Вот, Петрович, вся наша бригада!

Заглянувший вслед за ним мент, потянув носом воздух и уловив родной запах перегара, удивлённо посмотрел на своих русских приятелей: мол, это точно они?

Три французские рожи в марлевых повязках молча смотрели на первого в их жизни начальника русской тюрьмы.

– Они-они, гражданин начальник, не сомневайтесь! – заверил Павел и передал паспорта всех сидевших в микроавтобусе.

– Пошути мне ещё так! Проезжай! Борис, знаешь, куда? – И уже отвернувшись в сторону дежурки, майор орал лейтенанту: – Сидорок, пропускай ремонтников!

Странная группа лжеслесарей в масках, без устали вертевших головами во все стороны, шествовала по тюремному производственному цеху. Трое из них особенно выделялись карими, широко распахнутыми, но при этом какими-то мутными глазами. Казалось, что они не понимали, где находятся и как сюда попали.

– Какие-то они сегодня у вас странные!

Это Битюг, как обычно вышедший встретить Павла и Сергея, с неизменным воровским подозрением оглядывал делегацию «Квентики».

– Да ладно тебе! Нормальные! – попытался отшутиться Паша.

– Ну, нормальные так нормальные, мне-то что! – усмехнулся Битюг. – Надо бы тему перетереть. Мне начальник предьяву кинул: мол, не дай бог хоть одну клетку заперем! Чё за пурга про экспорт? Почему я не в курсах?

– Всё правильно сказал. Клетки для свиней во Францию будем делать. Паёк дополнительный, плата повышенная, ну и ещё кой-чего подкидывать будем по согласованному с администрацией списку. Но что именно попадёт в список – будет зависеть от вас! – обращаясь уважительно на «вы», пояснил Паша и, увидев вопрос на лице зэка, добавил, что за качество продукции они отвечают головой, так как валютный контракт с иностранцами запороть никак нельзя.

– Интересно-интересно! Франция, говоришь? – Битюг уже совсем по-другому взглянул на физиономии в масках. – Франция – это за... ши... бись! Ну что ж, пострижём и эту полянку.

– Начальник! За что, блин, такая попытка? – взмолились два зэка за токарным станком.

Борис отвлёкся на разговор с мастером смены, Серёга Грановский внимательно прислушивался к Шильману и Битюгу, и никто не заметил, как французы, заинтересовавшись маркой «ДИП-2» послевоенного выпуска, чуть не вплотную подошли к токарям. Невероятно, но станок работал!

Иностранцы в марлевых повязках молчали, но и по их вытаращенным от удивления глазам было всё понятно, не говоря уже про три указательных пальца, тыкавших в год выпуска станка – 1962.

– Уберите их на хрен куда подальше! – жаловались сидельцы. – Рядом с ними же стоять невозможно!

– Твою мать, где такой одеколон достали, а? – обратился один из них в промасленном ватнике к непонимающим французам.

– Нюхом чую, что водяру смешали. Вот только с чем? – вместо французов ответил ему напарник.

– Чтoб мне больше стакан не держать на воле, там коньяк есть – верняк полный – и что-то ещё. Никак не уловлю! Но точно есть... ненашенское.

– Может, шампанское? – предположил худой зэк с тонкими пальцами скрипача, которыми он отчаянно скрёб своё горло.

– Щепка, сука, не трави нам душу! Закрывай свой бар! Крышу сносит, как дерябнуть хочется!

– Паша, давай своих ханцузов на склад готовой продукции уводи, а то мои мужики замельтешили, а мне сегодня запахло тратить свой стратегический запас! – процедил сквозь зубы Битюг. – Тебе ж самому его и пополнять!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.